Проф. ЗИГМУНДЪ ФРЕЙДЪ.

ЛЕОНАРДО да ВИНЧИ.

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

Полное собраніе сочиненій. 15 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	**Исповѣдь глупца.** Ром. 3-е изд.	—
2	**Адъ.** Романъ. Съ предисл. В. М. Фриче. 2-е изданіе.	1.—
3	**На шхерахъ.** Романъ. 2-е изд.	1.—
4	**Утопія въ дѣйствительности.** Новеллы. 2-е изданіе. . .	1.—
5	**Красная комната.** Очерки изъ жизни художн. и писателей.	1.25
6	**Чандала.** Романъ.	1.—
7	**Готическія комнаты.** Ром. 2-е изд.	1.—
8	**Сынъ служанки.** Ром. 2-е изд.	1.50
9	**Историческія драмы.**	1.25
10	**Трагикомедія брака** 2-е изд. .	1.25
11	**Романтичный пономарь.** . . **Разрывъ.** Повѣсти.	1.—
12	1) **Легенды** 2) **Графиня Юлія.**	1.—
13	**Развитіе одной души.** Романъ. **Мастеръ Улофъ** Драма. . .	1.25
14	**Пляска смерти. Одиночество. Самумъ. Отецъ**	1.25
15	**Черныя знамена.** Ром.	1.25

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Переводъ произведеній Стриндберга, несомнѣнно, обогатитъ русскихъ читателей знакомствомъ съ яркимъ и своеобразнымъ талантомъ. Стриндбергъ всегда силенъ и оригиналенъ“. *„Совр. Міръ“.*

ДЖОРЖЪ МЕРЕДИТЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Тома		Цѣна.
1	**Эгоистъ.** Романъ ч. I	1.25
2	**Эгоистъ.** Ром. ч. II.	1.25

Головное творчество Мередита и своеобразность его психологическаго метода обезпечиваютъ ему первенствующее мѣсто въ современной англійской беллетристикѣ. *Зин. Венгерова.*

ГУСТАВЪ афъ-ГЕЙЕРСТАМЪ.

Полное собраніе сочиненій. 18 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	**Комедія брака.** Ром. 3-е изд. Съ вст. ст. Ю. А. Веселовскаго.	1.—
2	**Роковыя силы.** Романъ . . .	1.25
3	**Голова медузы.** Романъ . . .	1.—
4	1) **Вѣчная загадка.** 2) **Маленькій Свенъ.** Два ром.	1.25
5	**Власть женщины.** Романъ 2-е из.	1.—
6	**Трагедія одной жизни.** Романъ.	1.—
7	**Мать и сынъ.** Романъ . . .	1.—
8	**Въ туманѣ жизни.** Романъ.	1.—
9	**Мечты и дѣйствительность.** Ром. 10, 11, 12, и 13, (гот. къ печ.).	1.—

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

„Это одинъ изъ самыхъ яркихъ, проницательныхъ и чуткихъ беллетристовъ-психологовъ современной шведской литературы.

Юрій Веселовскій.

ЖОРЖЪ ЭКОУТЪ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Переводъ съ французскаго, разрѣшен. автор.

Тома		Цѣна.
1	**Изъ міра „Бывш. людей“.** ром.	1.—
2	**Жажда любви.** Романъ. . . .	1.—
3	**Защитникъ бездомныхъ.** Ром.	1.25
4	**Замокъ Эскаль-Вигоръ.** Ром. .	1.—

Изъ отзывовъ печати.

„Жоржа Экоута я охотно назвалъ бы бельгійскимъ Горькимъ, настолько онъ рѣзокъ и мучительно правдивъ въ своихъ разсказахъ. *Иванъ Жильценъ.*

БЬЕРНСТЬЕРНЕ-БЬЕРНСОНЪ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	1) **Сюнневе Сольбаккенъ** (Пов.) 2) **Когда цвѣтетъ молодой виноградъ.** (Комедія).	1.—
2	1) **Одинъ день.** 2) **Волосы Авессалома.** 3) **Перчатка.** . . .	1.—
3	**Рыбачка.** Романъ	1.—
4	**Единобрачіе и многобрачіе. Марія Шотландская. Банкротство** .	1.25
5	**Новобрачн. Леонарда Арне** . .	1.—
6	**Молодая жизнь.** Ром.	1.—

Изъ отзывовъ печати.

„Для русскаго образованнаго общества Бьернсонъ особенно интересенъ своими положительными типами. т.-е. какъ разъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ. Тѣмъ, чего наши даже самые выдающіеся писатели никакъ не могутъ создать, несмотря на всѣ свои старанія.

Д. Городецкій. („Р. Сл.).

ТОМАСЪ ГАРДИ.

Собраніе сочиненій.

Тома		Цѣна.
1	**Настоящая женщина** Ром. ч. I-я.	1.25
2	**Настоящая женщина** Ром. ч. II-я.	1.25

ТОМАСЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	**Фіоренца. Фридеманъ. Жажда счастья**	1.—
2	**Новеллы**	1.—
3	**Семейство Будденброковъ** . . романъ	1.25
4	**Паденіе одной семьи.** Романъ.	1.25

Изъ отзывовъ печати.

„Томасъ Маннъ, идя вслѣдъ за Фр. Ницше, является единственнымъ развившимся въ могучую „законченную величину“.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

ПРОФ. ЗИГМУНДЪ ФРЕЙДЪ.

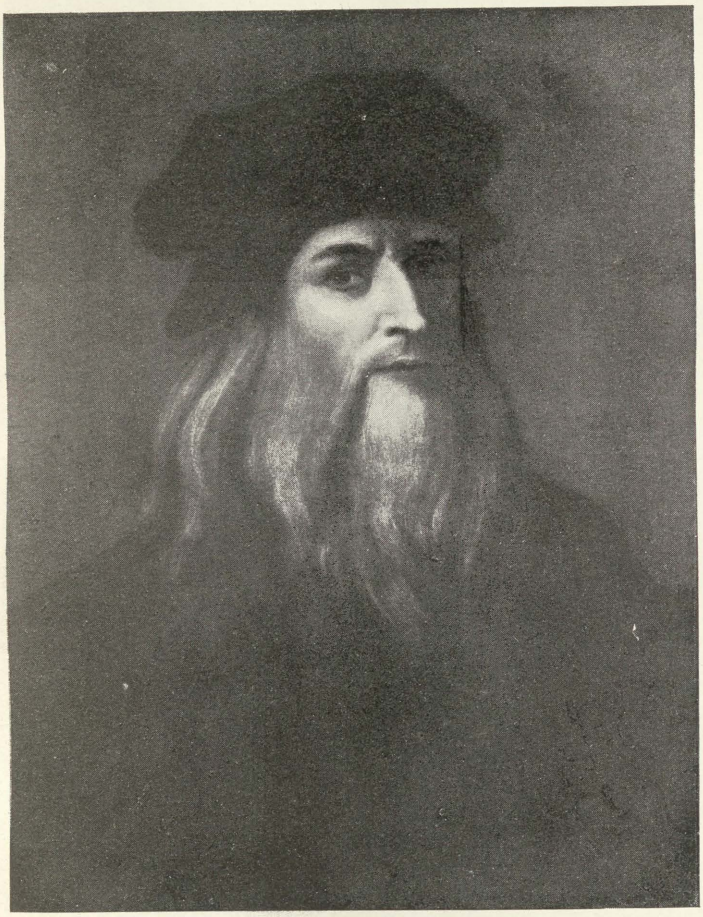
ЛЕОНАРДО да ВИНЧИ.

Переводъ съ нѣмецкаго

Е. С. Г.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ТОРГ. Д. „МЫСЛЬ“, ПЕТРОВКА, Д. 17.
1912.

INTERNATIONAL
PSYCHOANALYTIC
UNIVERSITY BERLIN



ЛЕОНАРДО да-ВИНЧИ.

I.

Если психіатрическое изслѣдованіе, обычно ограничивающееся больнымъ человѣческимъ матеріаломъ, приближается къ одному изъ великановъ человѣческаго рода, то оно при этомъ не руководствуется мотивами, такъ часто приписываемыми ему профанами. Оно не стремится „очернить лучезарное, повергнуть въ прахъ великое“; ему не доставляетъ никакого удовлетворенія уменьшать пропасть между даннымъ совершенствомъ и ненормальностью его обычныхъ объектовъ. Оно не можетъ иначе, какъ находить достойнымъ познанія все то, что поддается познанію въ этихъ великихъ образцахъ, и оно полагаетъ, что никто не столь великъ, чтобы для него было позоромъ подлежать законамъ, съ одинаковой строгостью господствующимъ надъ нормальнымъ и больнымъ.

Леонардо да Винчи (1452—1519) поражалъ уже своихъ современниковъ, какъ одинъ изъ величайшихъ людей итальянскаго Ренессанса, и однако онъ оставался для нихъ столь же

загадочнымъ, какъ еще теперь для насъ. Всесторонній геній, „границы котораго можно только чувствовать, но никогда постигнуть“ [1]), онъ, какъ художникъ оказалъ самое рѣшительное вліяніе на свое время; только намъ пришлось узнать его геній естествоиспытателя, который соединялся въ немъ съ геніемъ художникомъ. И хотя онъ оставилъ шедевры художественнаго творчества, тогда какъ его научныя открытія остались необнародованными и не использованными, однако въ его развитіи изслѣдователь никогда не давалъ полную свободу художнику иногда наносилъ ему тяжелый ущербъ и подъ конецъ, вѣроятно, даже подавилъ его. *Вазари* вкладываетъ въ его уста въ предсмертный часъ самоупрекъ, что онъ оскорбилъ Бога и людей, не выполнивъ своего долга передъ искусствомъ [2]). И если этотъ разсказъ Вазари не имѣетъ за собой ни внѣшняго ни еще болѣе внутренняго правдоподобія, а является

---

[1]) По выраженію I. Burckhardt'a, приведенному у Л. Константиновой „Эволюція типа Мадонны у Леонардо да Винчи“. Strasburg 1907 (Zur Kunstgeschichte des Auslandes, Heft 54).

[2]) Egli per reverenza, rizzatosi a sedere sul letto, contando il mal suo e gli accidenti di quello, mostrava tuttavia quanto aveva offeso Dio e gli uomini del mondo, non avendo operato nell'arte come si convenia“. Vasari. Vite etc. LXXXIII. 1550—1584.

только одной изъ легендъ, которыя начали складываться уже при жизни полнаго таинственности художника, то онъ имѣетъ однако безспорную цѣнность для сужденія объ эпохѣ и людяхъ того времени.

Что же это было такое, что мѣшало современникамъ Леонардо понять его личность? Конечно не многосторонность его способностей и знаній, которая дала ему возможность быть призваннымъ ко двору миланскаго герцога Людовика Сфорцо, прозваннаго il Moro, для игры на лютнѣ, на вновь имъ изобрѣтенномъ инструментѣ; или то замѣчательное письмо къ тому же герцогу, въ которомъ онъ выставлялъ свои труды въ качествѣ строительнаго и военнаго инженера: къ такому совмѣщенію въ одномъ лицѣ разнородныхъ познаній въ эпоху Ренессанса привыкли, во всякомъ случаѣе самымъ блестящимъ подтвержденіемъ этого былъ самъ Леонардо. Онъ не принадлежалъ также къ тому типу геніальныхъ людей, которые, будучи съ внѣшней стороны скупо надѣлены природой, съ своей стороны не придаютъ никакой цѣны внѣшнимъ формамъ жизни и, одержимые мучительно мрачнымъ настроеніемъ, избѣгаютъ общенія съ людьми. Онъ былъ, напротивъ, высокаго роста и пропорціонально сложенъ, съ совершеннымъ по красотѣ лицомъ, необыкновенной физической силы, очаровательный въ обхожде-

ніи, мастеръ слова, веселый и любезный со всѣми; онъ любилъ красоту и въ окружающихъ его предметахъ, охотно одѣвался въ пышныя одежды и цѣнилъ всякій комфортъ въ окружающей обстановкѣ. Въ одномъ мѣстѣ своего трактата о живописи [1]), характерномъ для его способности отдаваться радостямъ жизни, онъ сравниваетъ живопись съ родственными ей искусствами и описываетъ непріятныя стороны работы скульптора. „Лицо у него все вымазано и обсыпано мраморной пылью, такъ что онъ похожъ на пекаря, весь онъ покрытъ маленькими осколками мрамора и выглядитъ такъ, будто снѣгъ падалъ ему на спину, квартира полна осколковъ и пыли. Совершенно обратное представляетъ мастерская живописца,—... такъ какъ художникъ-живописецъ сидитъ съ большимъ удобствомъ передъ своимъ произведеніемъ, хорошо одѣтый, и легко водитъ кистью съ пріятными красками. Платье на немъ, какое ему нравится. Его квартира полна веселыхъ рисунковъ и сіяетъ чистотой. Онъ часто имѣетъ возможность во время работы слушать музыку и чтеніе различныхъ хорошихъ произведеній и слушаетъ это съ большимъ удовольствіемъ, которому

[1]) Traktat von der Malerei, neu herausgegeben und eingeleitet von Marie Herzfeld, E. Diederichs, Jena 1909.

не мѣшаетъ ни стукъ молота, ни какой бы то ни было шумъ".

Конечно, очень возможно, что образъ сіяющаго, веселаго и любящаго наслаждаться Леонардо вѣренъ только для перваго, болѣе длиннаго періода жизни художника. Но съ того времени, какъ паденіе господства Людовико Моро заставило его оставить Миланъ, мѣсто его дѣятельности и прочное положеніе, чтобы вести скитальческую, бѣдную внѣшними успѣхами жизнь вплоть до исканія послѣдняго убѣжища во Франціи, блескъ его настроенія могъ поблекнуть, и могла сильнѣе выступить какая-нибудь странная черта его существа. Все ростее съ годами отклоненіе его интересовъ отъ искусства въ сторону науки также должно было способствовать увеличенію пропасти между его личностью и современниками. Всѣ тѣ опыты, на которые онъ, по ихъ мнѣнію, только даромъ тратилъ время вмѣсто того, чтобы усердно работать надъ заказами и обогащаться, вродѣ его бывшаго школьнаго товарища Перуджино, казались имъ причудами или навлекали на него подозрѣніе въ служеніи „черной магіи". Мы помимаемъ его въ этомъ отношеніи лучше, такъ какъ по его замѣткамъ мы знаемъ, какими искусствами онъ занимался. Въ эпоху, когда авторитетъ церкви начиналъ замѣняться авторитетомъ античнаго міра, когда не

знали еще свободнаго отъ авторитетовъ научнаго изслѣдованія, онъ предтеча, и совершенно достойный соратникъ Бекона и Коперника, былъ по необходимости одинокъ. Когда онъ анатомировалъ трупы лошадей и животныхъ, строилъ летательные аппараты, изучалъ питаніе растеній и ихъ реагированіе на яды, онъ во всякомъ случаѣ далеко уходилъ отъ коментаторовъ Аристотеля и приближался къ навлекавшимъ на себя презрѣніе алхимикамъ, въ лабораторіяхъ которыхъ экспериментальное изслѣдаваніе находило убѣжище въ эти неблагопріятныя времена.

Послѣдствіемъ всего этого для его живописи было то, что онъ неохотно бралъ въ руки кисть, все меньше и рѣже рисовалъ, начатое оставлялъ часто незаконченнымъ и мало интересовался дальнѣйшей судьбой своего произведенія. Это тоже былъ одинъ изъ упрековъ, которые дѣлали ему современники, для которыхъ его отношеніе къ искусству осталось загадочнымъ.

Многіе изъ позднѣйшихъ почитателей Леонардо старались уничтожить это пятно—непостоянство—въ его характерѣ. Они доказывали, что то, что порицается въ Леонардо, является особенностью вообще великихъ художниковъ. Дѣятельный, зарывавшійся въ работу Микель Анджело также оставлялъ многія изъ своихъ работъ незаконченными, и

это такъ же мало было его виной, какъ и виной Леонардо въ такихъ случаяхъ. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ этихъ картинъ не остались уже такими незаконченными, какъ онъ это говорилъ. То, что профану кажется шедевромъ, то для творца художественнаго произведенія остается все еще неудовлетворяющимъ воплощеніемъ его задачъ; передъ нимъ носится нѣчто совершенное, что онъ каждый разъ отчаивается передать въ картинѣ. Но меньше всего подходитъ дѣлать художника отвѣтственнымъ за окончательную судьбу, которая постигаетъ его произведеніе.

Какъ бы основательны ни были нѣкоторыя изъ этихъ оправданій, однако они все-таки не объясняютъ всего положенія вещей, съ которыми мы встрѣчаемся у Леонардо. Эта мучительная работа надъ произведеніемъ, подъ конецъ бѣгство отъ него и равнодушіе къ его дальнѣйшей судьбѣ, могло встрѣчаться и у многихъ другихъ художниковъ; но несомнѣнно, что это поведеніе у Леонардо достигаетъ самой высокой степени. Эдм. Сольми[1]) приводитъ (стр. 12) мнѣніе одного изъ его учениковъ. „Pareva, che ad ogni ora tre-

[1]) Solmi. „La resurrezione dell' opera di Leonardo“ въ сборникѣ: Leonardo da Vinci. Conferenze Fiorentini. Миланъ, 1910.

masse, quando si poneva a dipingere, e però non diede mai fine ad alcuna cosa cominciata, considerando la grandezza dell'arte, tal che egli scorgeva errori in quelle cose, che ad altri parevano miracoli". Его послѣднія картины, Леда, Madonna di Sant Onofrio, Вакхъ и Іоаннъ Креститель остались незаконченными „come quasi intervenne di tutte le cose sue"... Lomazzo [1]), который сдѣлалъ копію съ Тайной

„Protogen che il penel di sue pitture
Nom levava, agguaglio il Vinci Divo,
Di cui opra non è finita pure".

Медленность, съ которой Леонардо работалъ, вошла въ поговорку. Надъ Тайной Вечерью въ монастырѣ Santa Maria della Grazie въ Миланѣ онъ, послѣ основательной предварительной подготовки, работалъ три года. Современникъ, новеллистъ Матео Банделли, тогда молодой монахъ, разсказываетъ, что Леонардо часто уже рано утромъ взбирался на лѣса и не выпускалъ кисти изъ рукъ до сумерекъ, забывая о пищѣ и питьѣ. Затѣмъ проходили дни, когда онъ не дотрогивался до кисти, по временамъ часами оставался передъ Вечери, говоритъ въ одномъ сонетѣ объ извѣстной неспособности Леонардо что-нибудь закончить:

---

[1]) I. Scognamiglio. Ricerche e Documenti sulla Giovinezza di Leonardo da Vinci. Неаполь, 1900.

редъ картиной и довольствовался провѣркой про себя. Иногда онъ прямо со двора миланскаго дворца, гдѣ онъ лѣпилъ модель для конной статуи Франческо Сфорцо, направлялся въ монастырь, чтобы сдѣлать нѣсколько штриховъ въ какой-нибудь фигурѣ и затѣмъ немедленно отправлялся обратно [1]). Надъ портретомъ Монны Лизы, жены флорентинца Франческо Джіокондо, онъ работалъ по даннымъ Вазари 4 года, не доведя его до конца, что подтверждается также тѣмъ обстоятельствомъ, что картина не была доставлена заказчику, а осталась у Леонардо, который взялъ ее съ собой во Францію [2]). Пріобрѣтенная королемъ Франциском I она представляетъ одно изъ величайшихъ сокровищъ Лувра [3]).

Если сопоставить эти свѣдѣнія о способѣ работы Леонардо съ тѣмъ, что говорятъ необыкновенно многочисленные, оставшіеся послѣ него наброски и эскизы, которые на тысячу ладовъ варьируютъ каждый встрѣчающійся въ его картинахъ мотивъ, то приходится далеко отбросить мнѣніе о малѣйшемъ проявленіи легкомыслія и непостоян-

---

[1]) W. v. Seidlitz. „Leonardo da Vinci, der Wendepunkt der Renaissance". 1909. т. I, стр. 203.

[2]) Тамъ же, т. II., стр. 48.

[3]) Эта картина похищена изъ Лувра въ 1911 г. (Прим. перев.).

ства въ отношеніи Леонардо къ своему искусству. Замѣчаешь наоборотъ, изъ ряда вонъ выходящее углубленіе, богатство возможностей, среди которыхъ только медленно принимается рѣшеніе, требованія, которымъ едва можно удовлетворить, и задержку въ выполненіи, которая собственно совершенно не оправдывается и необходимымъ оставаніемъ художника отъ своего идеальнаго представленія. Медленность въ работѣ Леонардо, которая уже издавна бросалась въ глаза, является симптомомъ этой задержки, предвѣстникомъ позднѣе наступившаго отдаленія отъ живописи [1]) И эта же черта въ его характерѣ опредѣлила неизбѣжную судьбу Тайной Вечери. Леонардо не могъ сродниться съ живописью al fresko, которая требуетъ быстрой работы, пока грунтъ сырой; поэтому онъ избралъ масляныя краски, высыханіе которыхъ давало ему возможность затягивать окончаніе картины въ зависимости отъ настроенія и досуга. Но эти краски отстали отъ фона, на когорый онѣ нанесены и который отдѣляетъ ихъ отъ стѣны; недостатки этой стѣны и судьба помѣщенія усугубили, какъ видно, неизбѣжную гибель картины.

---

[1]) W. Pater. Die Renaissance. Aus dem Englischen. Втор. изд. 1906 г. „Несомнѣнно, что онъ въ одномъ опредѣленномъ періодѣ своей жизни почти пересталъ быть художникомъ".

Кажется [1]), вслѣдствіе неудачи также техническаго опыта погибла и картина „Сраженіе всадниковъ при Ангіари", которую онъ позднѣе конкуррируя съ Микель Анджело, началъ рисовать на одной изъ стѣнъ Sala del Consiglio во Флоренціи и оставилъ ее также неоконченной. Здѣсь какъ - будто бы посторонній интересъ, интересъ экспериментатора вначалѣ усилилъ художественный интересъ, чтобы затѣмъ испортить произведеніе искусства.

Характеръ Леонардо - человѣка обнаруживалъ еще много другихъ необыкновенныхъ чертъ и кажущихся противорѣчій. Извѣстная пассивность и индиферерентизмъ явно проглядывали въ немъ. Въ тотъ періодъ, когда каждый человѣкъ старается найти для себя самое широкое поле дѣятельности, что не можетъ обойтись безъ энергичнаго проявленія агрессивности по отношенію къ другимъ, онъ поражалъ спокойной миролюбивостью, уклоненіемъ отъ вражды и споровъ. Онъ былъ со всѣми мягокъ и добръ, отказался, какъ говорятъ, отъ мясной пищи, такъ какъ считалъ несправедливымъ отнимать жизнь у животныхъ, и нашелъ для себя особое удовольствіемъ въ томъ, чтобы покупать птицъ на базарѣ и отпускать ихъ на волю [2]). Онъ осу-

[1]) Ср. у Seidlitz'a Bd. I. Die geschichte der Restaurations und Rettungsversuche.

[2]) E. Müntz, Léonardo de Vinci. Paris 1899, стр. 18.

ждалъ войну и кровопролитія и считалъ человѣка не столько царемъ животнаго царства, сколько худшимъ изъ дикихъ звѣрей [1]). Но эта женственная тонкость чувства не мѣшала ему сопровождать осужденныхъ преступниковъ на мѣсто казни, чтобы изучать ихъ искаженныя страхомъ лица и заносить эти послѣднія въ записную книжку; это не мѣшало ему также составлять чертежи самыхъ жестокихъ военныхъ орудій и поступить на службу къ Цезарю Борджіо въ качествѣ главнаго военнаго инженера. Онъ часто кажется какъ бы индиферентнымъ къ добру и злу, или же онъ требуетъ къ себѣ особой мѣрки. На отвѣтственномъ посту онъ продѣлываетъ кампанію съ Цезаремъ, сдѣлавши этого безпощаднѣйшаго и вѣроломнѣйшаго изъ всѣхъ противниковъ обладателемъ Романьи. Ни одна строка въ запискахъ Леонардо не выдаетъ ни критическаго отношенія, ни его участія въ событіяхъ тѣхъ дней. Нельзя здѣсь отказаться отъ сравненія его съ Гете во время войны съ Франціей.

Если біографическая попытка имѣетъ цѣлью дѣйствительно проникнуть въ пониманіе ду-

---

(Письмо современника изъ Индіи къ одному изъ Медичи намекаетъ на эту особенность Леонардо. По Рихтеру: The literary Works of L. d. u.).

1) F. Botazzi. „Leonardo biologo e anatomico". Въ „Conferenze fiorentine", стр. 186. 1910 г.

шевной жизни своего героя, то она не должна пройти молчаніемъ, какъ это дѣлаетъ большинство біографій изъ тактичности или prüderie, сексуальную жизнь, сексуальныя особенности изучаемаго лица. Объ этой сторонѣ Леонардо мало извѣстно, но это малое полно значенія. Въ эпоху, которая была свидѣтельницей борьбы безграничной чувственности съ мрачнымъ аскетизмомъ, Леонардо являетъ примѣръ хладнокровнаго воздержанія, котораго нельзя было бы ожидать отъ художника и изобразителя женской красоты. Сольми [1]) приводитъ слѣдующее выраженіе Леонардо, характеризующее его холодность: „Актъ совокупленія и все связанное съ нимъ такъ отвратительны, что люди вымерли бы скоро, если бы это не было старозавѣтнымъ обычаемъ и еслибы не встрѣчались еще красивыя лица и чувственныя наклонности". Оставленныя имъ сочиненія, которыя трактуютъ не только о величайшихъ научныхъ проблемахъ, но заключаютъ въ себѣ и невинныя вещи, которыя намъ кажутся едва достойными столь великаго ума (аллегорическая естественная исторія, басни, забавныя исторіи, предсказанія [2]), въ такой степени цѣломудрен-

---

1) E. Solmi. Leonardo da Vinci.

2) Marie Herzfeld. Leonardo da Vinci der Denker, Forscher und Poet. Zweeit Aufl. Jena 1906.

ны—можно даже сказать абстинентны,—что и въ наше время удивило бы въ произведеніи изящной литературы. Они такъ рѣшительно уклоняются отъ всего сексуальнаго, какъ-будто бы самъ по себѣ Эросъ, поддерживающій все живое, не является достойнымъ матеріаломъ для жаждущаго познанія изслѣдователя [1]). Извѣстно, какъ часто великимъ художникамъ нравилось давать перебѣситься своимъ фантазіямъ въ эротическихъ и грубо непристойныхъ изображеніяхъ; отъ Леонардо осталось, напротивъ, только нѣсколько анатомическихъ рисунковъ, изображающихъ внутренніе половые органы женщины положеніе плода въ тробѣ матери и т. п.

Сомнительно, держалъ ли когда-либо Леонардо въ объятіяхъ женщину; ничего не извѣстно также о какихъ-либо интимныхъ дружескихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, какъ у Микель Анджело къ Витоpіи Колоннѣ. Еще въ ученическіе годы, когда онъ жилъ въ домѣ своего учителя Bеppokkio, онъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми обвинялся въ запрещенныхъ закономъ гомосексуальныхъ отношеніяхъ, что кончилось оправданіемъ его. Кажется, на него пало подозрѣніе благодаря

[1]) Въ этомъ отношеніи составляютъ, быть можетъ, исключеніе, хотя и ничтожное, собраніе забавныхъ исторій—belle iacezie,—которыхъ нѣтъ въ переводѣ. Ср. Herzfeld L. d. U. стр. CLI.

тому, что онъ пользовался для модели мальчикомъ, имѣвшимъ плохую репутацію[1]). Въ своей мастерской онъ окружалъ себя красивыми мальчиками и юношами, которыхъ онъ бралъ въ ученики. Послѣдній изъ этихъ учениковъ, Франческо Мельци, сопровождалъ его во Францію, оставался съ нимъ до самой его смерти и сдѣлался его наслѣдникомъ. Не раздѣляя увѣренности его новѣйшихъ біографовъ которые отбрасываютъ, конечно, возможность сексуальныхъ отношеній между нимъ и его учениками какъ неосновательное, по ихъ мнѣнію, опороченіе великаго человѣка, можно съ гораздо большей вѣроятностью допустить, что нѣжныя отношенія Леонардо къ его ученикамъ, по тогдашнимъ школьнымъ нравамъ дѣлившимъ съ нимъ жизнь, выливались не въ формѣ сексуальныхъ дѣйствій. Не слѣдуетъ ему также приписывать высокую степень сексуальной активности.

Своеобразіе его чувствованія и половой жизни въ связи съ двойной натурой Леонардо какъ художника и изслѣдователя, можно понять только въ одномъ смыслѣ. Изъ біографовъ, которые вообще говоря очень далеки

[1]) Къ этому случаю по Scognamiglio (т. же стр. 49) относится темное и даже разно читаемое мѣсто въ Codex Atlanticus'ѣ: „Quando io feci Domeneddio putto voi mi metteste in prigion eora s'io lo fo grande, voi mi farete peggio".

отъ психологической точки зрѣнія, насколько я знаю, только одинъ, Эдм. Сольми, приблизился къ разрѣшенію загадки. Но одинъ поэтъ, сдѣлавшій Леонардо героемъ большого историческаго романа, Д. С. Мережковскій [1]), построилъ его на такомъ именно пониманіи этого необыкновенаго человѣка, ясно выразивъ свое мнѣніе, если и не прямо словами, то, какъ поэтъ, въ пластической формѣ. Сольми говоритъ о Леонардо: „Но неусыпное стремленіе познать все окружающее и съ холоднымъ превосходствомъ изслѣдовать глубочайшую тайну всего совершеннаго обрекли произведенія Леонардо оставаться всегда недоконченными“ [2]). Въ одной статьѣ Conferenze fiorentine приводятся слова Леонардо, которыя указываютъ на его символъ вѣры и даютъ ключъ къ пониманію его существа:

„Nessuna cosa si puó amare né odiare, se prima non si ha cognition di quella [3]).

Итакъ: не имѣешь права что-либо любить или ненавидѣть, если не составилъ себѣ яснаго представленія объ этомъ. То же самое повторяетъ Леонардо въ одномъ мѣстѣ „Трак-

---

[1]) Д. С. Мережковскій. Трилогія „Христосъ и Антихристъ“, часть II, „Воскресшіе боги“.

[2]) Solmi. Leonardo da Vinci.

[3]) Filippo Botazzi Leonardo biologo e anatomico стр. 193.

тата о живописи", гдѣ онъ, повидимому, защищается противъ упрека въ иррелигіозности.

„Но пусть замолкнутъ такіе хулители! Такое отношеніе есть способъ познать Творца столькихъ достойныхъ удивленія вещей, а это есть путь полюбить такого великаго изобрѣтателя. Такъ какъ по истинѣ великая любовь проистекаетъ изъ глубокаго знанія любимаго предмета, а если ты послѣдній мало знаешь, то ты его сумѣешь или только немного или вовсе не любить[1])....

Значеніе этихъ словъ Леонардо нужно усматривать не въ томъ, что они сообщаютъ какой-нибудь важный психологическія фактъ, такъ какъ то, что они говорятъ, какъ всѣмъ извѣстно, ошибочно, и Леонардо долженъ былъ это знатьтакъ же хорошо, какъ и мы. Неправда, что люди съ своей любовью или ненавистью ждутъ, пока они не изучатъ или не проникнутъ въ существо того объекта, котораго касается это чувство; гораздо скорѣе они любятъ импульсивно, руководимые чувствомъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ познаніемъ и дѣйствіе котораго скорѣе ослабляется размышленіемъ и обдумываніемъ. Такимъ образомъ Леонардо хотѣлъ только сказать,

[1]) Marie Herzfeld. Leonardo da Vinci. Traktat von der Malerei. Nach der Übersetzung von Heinrich, Ludwig neu herausgegeben und eingeleitet. Iena (Abschnitt I, 64, p. 54).

что то, что люди испытываютъ, не есть настоящая безупречная любовь, *нужно* такъ любить, чтобы сдерживать аффектъ, подвергнуть его работѣ мысли и только тогда предоставить ему полную свободу, когда онъ выдержитъ это испытаніе. И при этомъ мы понимаемъ, что онъ хочетъ намъ сказать, что съ нимъ это такъ бываетъ, и всѣмъ другимъ слѣдовало бы стремиться къ тому, чтобы у нихъ съ любовью и ненавистью обстояло такъ же, какъ у него самаго.

И у него, повидимому, дѣйствительно было такъ. Его аффекты были укрощены, подчинены духу изслѣдованія; онъ не любилъ и не ненавидѣлъ, но спрашивалъ себя, откуда то, что онъ долженъ будетъ любить или ненавидѣть и что это означаетъ, и такимъ образомъ онъ долженъ былъ вначалѣ казаться индифферентнымъ къ добру и злу, къ красивому и отвратительному. Въ процессѣ анализа любовь и ненависть отбрасывали свой знакъ плюсъ или минусъ и одинаково являлись объектами мышленія. Въ дѣйствительности Леонардо не былъ безстрастнымъ, онъ не былъ лишенъ божественной искры, которая прямо или косвенно является двигателемъ—il primo motore—всякаго человѣческаго поступка. Онъ только страсть претворилъ въ стремленіе къ познанію; онъ отдался изслѣдованію съ той настойчивостью, постоян-

ствомъ и глубиной, которыя проистекаютъ изъ страсти, и на вершинѣ умственной работы, послѣ достигнутаго познанія онъ даетъ долго сдержанному аффекту прорваться, свободно устремиться, на подобіе отведеннаго отъ общаго потока русла послѣ того, какъ онъ совершилъ свою работу. На вершинѣ какого-либо познанія, когда онъ постигаетъ причинную связь явленій въ какой-нибудь большой области, имъ овладѣваетъ паѳосъ, и онъ въ страстныхъ выраженіяхъ прославляетъ красоту той области Божьяго міра, которую онъ изучалъ, или—въ религіозной формѣ—величіе Творца. Сольми вѣрно понялъ этотъ процессъ претворенія у Леонардо. Приведя одно мѣсто, гдѣ Леонардо прославляетъ величественную необходимость въ природѣ („O mirabile necessita..."), онъ говоритъ: „Tale trasfigurazionne della scienza dela natura in emozione, quasi direi, religiosa, è uno dei tratti caratteristici de manoscritti vinciani, e si trova cento e cento volte espressa... [1])

Леонардо, благодаря его ненасытному и неутомимому стремленію къ познанію, называли итальянскимъ Фаустомъ. Но оставляя въ сторонѣ всѣ сомнѣнія насчетъ возможности обратнаго превращенія влеченія къ познанію въ стремленіе къ наслажденію

[1]) Solmi: La resurrezione etc., стр. 11.

жизнью, которое мы должны допустить, какъ предпосылку трагедіи Фауста, мы рискнемъ указать на то, что развитіе Леонардо приближается къ способу мышленія Спинозы.

Превращенія психическихъ силъ въ различныя формы дѣятельности, быть можетъ, такъ же мало возможны безъ потери, какъ превращенія физическихъ силъ. Примѣръ Леонардо показываетъ, что въ этихъ процессахъ можно усмотрѣть еще многое другое. Отсрочиваніе—раньше познать, а потомъ любить—становится замѣстителемъ. Нельзя уже настоящимъ образомъ любить или ненавидѣть, когда преисполненъ стремленія къ познанію; остаешься по ту сторону любви и ненависти, изслѣдуешь вмѣсто того, чтобы любить. Поэтому, можетъ быть, жизнь Леонардо и была такъ значительно бѣднѣе любовью, нежели жизнь другихъ великихъ людей и художниковъ. Бурныя страсти, воодушевляющія и изнуряющія, въ которыхъ другіе переживаютъ самое лучшее, его, повидимому, не коснулись.

И еще другіе результаты. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, творить, занимаешься изслѣдованіемъ. Кто началъ постигать величіе міровой связи явленій, ихъ неизбѣжность, тотъ легко теряетъ сознаніе своего собственнаго маленькаго „я“. Уходя глубоко въ преклоненіе передъ величіемъ міра и сдѣлавшись дѣй-

ствительно смиреннымъ, слишкомъ легко забываешь, что ты самъ представляешь часть этихъ дѣйствующихъ силъ и что нужно попытаться по мѣрѣ своихъ личныхъ силъ измѣнить частицу этого необходимаго хода міровой жизни, жизни, въ которой малое не менѣе заслуживаетъ удивленія и вниманія, чѣмъ великое.

Какъ предполагаетъ Сольми, Леонардо, вѣроятно, занялся изслѣдованіемъ въ интересахъ своего искусства [1]); онъ старался изучить свойства и законы свѣта, цвѣтовъ, тѣней и перспективы, чтобы самому усовершенствоваться въ подражаніи природѣ и другимъ указать тотъ же путь. Вѣроятно, онъ уже тогда переоцѣнилъ значеніе этихъ знаній для художника. Затѣмъ, все еще въ связи съ потребностью художника, его потянуло къ изслѣдованію объектовъ живописи, животныхъ, растеній, пропорцій человѣческаго тѣла; отъ послѣдняго онъ перешелъ къ изученію его внутренняго строенія и жизненныхъ функцій, которыя вѣдь тоже отражаются на внѣшней сторонѣ и должны поэтому изображаться художникомъ. Подъ конецъ это влеченіе,

[1]) „La resurrezione“ etc., стр. 8: „Leonardo aveva posto, come regola al pittore, lo studio della natura..., poi la passione dello studio era di venuta dominante, egli aveva voluto acquistare non piu la scienza per l'atre, ma la scienza per la scienza“.

сдѣлавшись всемогущимъ, увлекло его съ такой силой, что порвало связь съ потребностями его искусства, такъ онъ открылъ общіе законы механики, исторію отложеній и окаменѣлостей въ долинѣ Арно и, наконецъ, онъ могъ занести въ свою книгу большими буквами: „Il sole non si move“. Такъ онъ распространилъ свое изслѣдованіе почти на всѣ сферы естествознанія и въ каждой изъ нихъ онъ сдѣлалъ открытіе или, по крайней мѣрѣ, предсказанія или же намѣчалъ новые пути [1]). Однако его стремленіе къ познанію было направлено исключительно на внѣшній міръ, отъ изученія душевнаго міра человѣка его что-то удерживало; въ „Academia Vinciannа“, для которой онъ сдѣлалъ искусно запутанную эмблему, было мало мѣста для психологіи.

Когда же онъ пробовалъ отъ научныхъ изслѣдованій снова вернуться къ занятію искусствомъ, которое было исходнымъ пунктомъ, онъ испытывалъ помѣху благодаря новому направленію своихъ интересовъ и измѣнившемуся характеру его психической работы. Въ картинѣ его прежде всего интересовала проблема, позади которой для него всплывало безчисленное множество другихъ,

[1]) См. перечисленіе его научныхъ работъ въ прекрасной біографіи Маріи Герцфельдъ (Іена, 1906 г.) и въ др. мѣстахъ.

какъ это пріучило его безконечное, безпредѣльное, естественно-научное изслѣдованіе. Онъ уже не могъ заставить себя ограничивать свои требованія, изолировать, вырвать произведеніе искусства изъ великой цѣпи причинъ, съ которой онъ зналъ, что оно связано. Послѣ самыхъ тщательнѣйшихъ усилій выразить въ произведеніи все, что связано съ нимъ въ его мысляхъ, онъ долженъ былъ или оставить его неоконченнымъ или же признать его незавершеннымъ.

Въ свое время художникъ взялъ себѣ на подмогу изслѣдователя, слуга сдѣлался сильнѣе хозяина и поработилъ его.

Когда мы въ характерѣ какой-нибудь личности находимъ чрезвычайно рѣзко выраженнымъ одно какое-либо влеченіе, какъ, напр., у Леонардо любознательность, то для объясненія этого мы ссылаемся на особое предрасположеніе, которое, вѣроятно, обусловливается органическими причинами, но о послѣднихъ ничего болѣе опредѣленнаго нельзя большею частью сказать. Но благодаря нашимъ психоаналитическимъ изслѣдованіямъ невротиковъ, мы склонны къ двумъ дальнѣйшимъ предположеніямъ, которымъ мы охотно желали бы найти подтвержденіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Мы считаемъ вѣроятнымъ, что это чрезмѣрно сильно влеченіе проявлялось уже въ самомъ ран-

немъ дѣтствѣ и что его господство было опредѣлено впечатлѣніями дѣтской жизни; далѣе мы предполагаемъ, что первоначально для его усиленія были привлечены сексуальныя двигательныя силы, такъ что позднѣе оно можетъ замѣщать собою часть сексуальной жизни. Такой человѣкъ, отдается научнымъ изслѣдованіямъ, напр., съ такой же страстностью, съ какой другой будетъ проявлять свою любовь, и онъ могъ бы предаться изслѣдованію, вмѣсто любви. И не только при влеченіи къ познанію, но и въ большинствѣ другихъ случаевъ, съ особенно рѣзко выраженнымъ влеченіемъ, мы бы рискнули сдѣлать заключеніе объ усиленіи его путемъ привлеченія сексуальныхъ силъ.

Наблюденіе надъ повседневной жизнью людей показываетъ намъ, что большинству изъ нихъ удается значительную часть своихъ сексуальныхъ силъ направить на свою профессіональную дѣятельность. Сексуальное влеченіе особенно пригодно къ такому содѣйствію, такъ какъ оно обладаетъ способностью сублимированія, т.-е. въ состояніи замѣнить свою ближайшую цѣль другими, иногда выше оцѣниваемыми несексуальными цѣлями. Мы считаемъ это явленіе доказаннымъ, если исторія дѣтства, исторія душевнаго развитія личности показываетъ, что въ періодъ дѣтства чрезмѣрно сильно выраженное вле-

ченіе было подчинено сексуальнымъ интересамъ. Дальнѣйшее подтвержденіе мы находимъ въ томъ, что въ зрѣломъ возрастѣ наблюдается замѣтное пониженіе сексуальной жизни, какъ - будто бы часть сексуальной дѣятельности замѣщается дѣятельностью того чрезмѣрно сильнаго влеченія.

Примѣненіе этихъ предположеніи по отношенію къ случаю съ чреавычайно сильнымъ стремленіемъ къ познанію должно на видъ казаться особенно труднымъ, такъ какъ именно дѣтей считаютъ неспособными ни къ этому серьезному влеченію, ни къ заслуживающимъ вниманія сексуальнымъ интересамъ. Между тѣмъ эти трудности легко устранимы. За любознательность малышей говоритъ ихъ неутомимая страсть къ вопросамъ, которая кажется взрослому загадочной до тѣхъ поръ, пока онъ не пойметъ, что всѣ эти вопросы только околичности, и что они не могутъ кончиться, такъ какъ ребенокъ съ ихъ помощью хочетъ замѣнить только одинъ вопросъ, котораго онъ все-таки не ставитъ. Когда ребенокъ становится старше и разумнѣе, проявленіе этой любознательности часто внезапно обрывается. Но полное объясненіе этому даетъ намъ психоаналитическое изслѣдованіе, такъ какъ оно показываетъ, что многія, быть можетъ большинство, по крайней мѣрѣ прекрасно одаренныхъ дѣтей, приблизительно начиная съ

третьяго года жизни продѣлываютъ періодъ, который нельзя иначе назвать, какъ періодъ *инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія*. Любознательность, насколько намъ извѣстно, просыпается въ этомъ возрастѣ не самопроизвольно, но подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, благодаря появленію или имѣющему, по свѣдѣніямъ окружающихъ появиться на свѣтъ новому ребенку, въ которомъ дитя видитъ угрозу своимъ эгоистическимъ интересамъ. Любознательность направляется на вопросъ, откуда берутся дѣти и именно въ такомъ видѣ, какъ будто бы ребенокъ ищетъ способы и пути для предупрежденія такого нежелательнаго явленія. Такимъ образомъ мы къ нашему удивленію узнали, что ребенокъ не вѣритъ даваемымъ ему объясненіямъ, напр., энергично отвергаетъ столь глубокую въ миѳологическомъ отношеніи сказку объ аистѣ; что начиная съ этого акта невѣрія наступаетъ его умственная самостоятельность; ребенокъ чувствуетъ себя часто въ глубокомъ разладѣ со взрослыми и собственно никогда не можетъ простить послѣднимъ, что его въ указанномъ случаѣ обманули. Онъ собственнымъ путемъ приступаетъ къ изслѣдованію, догадывается о пребываніи младенца въ утробѣ матери и, руководимый ощущеніями собственной сексуальности, создаетъ себѣ взглядъ о происхожде-

ніи младенца отъ ѣды, о его появленіи на свѣтъ черезъ прямую кишку и о трудно поддающейся объясненію роли отца, ребенокъ уже тогда догадывается о существованіи полового акта, который представляется ему чѣмъ-то враждебнымъ и насильственнымъ. Но такъ какъ его собственное сексуальное строеніе еще не достигло способности къ размноженію, то его изысканія насчетъ происхожденія дѣтей исчезаютъ безрезультатно, оставшись незавершенными. Впечатлѣніе отъ этой неудачи первой, самостоятельной умственной попытки, повидимому, долго живетъ и глубоко угнетаетъ [1]).

Если періодъ инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія прерывается вслѣдствіе какого-нибудь толчка, энергично вытѣснившаго изъ сознанія сексуальную проблему, то для дальнѣйшей судьбы влеченія къ познанію, вслѣдствіе его ранней связи съ сексуальными инте-

[1]) Для подкрѣпленія этихъ звучащихъ неправдоподобно взглядовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на „Analyse der Phobie eines fünfjährigen knaben“ (Jahrb. für psychoanalitische und psychopathol. Forschungen Bd. I, 1909 и Bd. II 1910). Въ статьѣ „Die Infantilen Sexualtheorien“ 1908.

(Sammlung kleinkr Schriften zur Neurosenlehre“, я писалъ: „Эти доискиванія и сомнѣнія дѣлаются, однако, прототипомъ всякой дальнѣйшей умственной работы надъ проблемами, и первая неудача навсегда отражается парализующимъ образомъ“ (стр. 167).

ресами, проистекаютъ три различныя возможности. Или это влеченіе раздѣляетъ судьбу сексуальности, любознательность, начиная съ этого времени, задерживается и свободная дѣятельность ума, можетъ быть, на всю жизнь остается ограниченной, тѣмъ болѣе, что вскорѣ начинаетъ сказываться могущественное вліяніе задерживающаго мысль религіознаго воспитанія. Это есть типъ невротической задержки. Мы прекрасно понимаемъ, что пріобрѣтенная такимъ образомъ слабость мыслительной способности содѣйствуетъ появленію нервнаго заболѣванія. Въ другомъ случаѣ интеллектуальное развитіе достаточно сильно, чтобы противостоять губящему его сексуальному вытѣсненію. Спустя нѣкоторое время послѣ исчезновенія инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія, когда умъ окрѣпнетъ онъ, помня свою старую связь, предлагаетъ свои услуги, чтобы обойти вытѣсненную изъ сознанія сексуальность, и вытѣсненная сексуальная любознательность возвращается изъ безсознательнаго въ видѣ навязчивой потребности анализировать, правда,, въ искаженномъ и связанномъ видѣ, но достаточно сильная, чтобы сексуализировать само мышленіе и придать интеллектуальнымъ операціямъ характеръ наслажденія и страха, присущаго дѣйствительнымъ сексуальнымъ явленіямъ. Изслѣдованіе превращается здѣсь въ сексуаль-

ную дѣятельность, часто исключительную чувство ясности въ мысляхъ, чувство просвѣтленія замѣняетъ собой сексуальное удовлетвореніе; но неспособный къ завершенію характеръ изслѣдованія ребенка повторяется и въ томъ, что это анализированіе никогда не кончается и что искомое интеллектуальное чувство освобожденія все больше отодвигается вдаль.

Третій, наиболѣе рѣдкій и совершенный типъ, благодаря особой силѣ предрасположенія, избѣгаетъ какъ задержки способности мышленія, такъ и навязчиваго характера послѣдняго. Хотя вытѣсненіе сексуальнаго и здѣсь наступаетъ, но одно парціальное влеченіе ему не удается оттѣснить въ область безсознательнаго, libido избѣгаетъ участи быть вытѣсненнымъ, съ самаго начала сублимируясь въ любознательность и присоединяясь къ влеченію къ познанію, усиливаетъ его. И здѣсь стремленіе изслѣдовать является въ извѣстной мѣрѣ навязчивымъ возмѣщеніемъ сексуальной дѣятельности, но вслѣдствіе полнѣйшаго различія лежащихъ въ основѣ психическихъ процессовъ (сублимированіе вмѣсто прорыва изъ безсознательнаго) характеръ невроза отсутствуетъ, отпадаетъ связанность съ первоначальными комплексами инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія, и влеченіе можетъ

свободно отдаться служенію интеллектуальнымъ интересамъ.

Вытѣсненной изъ сознанія сексуальности, которая сдѣлала его столь могучимъ, благодаря присоединенію сублимированнаго libido, оно отдаетъ еще дань, отклоняя занятія сексуальными темами.

Если мы обратимъ вниманіе на совпаденіе у Леонардо чрезвычайно сильнаго влеченія къ познанію съ пониженной половой жизнью, которая ограничивалась такъ называемой идеальной гомосексуальностью, то мы вынуждены будемъ считать его представителемъ нашего третьяго типа. То, что ему послѣ инфантильной работы любознательности въ области сексуальныхъ интересовъ удалось большую часть libido сублимировать въ стремленіе къ познанію можно было бы считать корнемъ и тайной его существа. Но правда, не легко привести доказательства для подтвержденія этого мнѣнія. Для этого намъ нужно было бы заглянуть въ душевное развитіе его первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, и кажется безумнымъ разсчитывать на такой матеріалъ, когда свѣдѣнія объ его жизни такъ скудны и такъ ненадежны, и когда рѣчь идетъ кромѣ того, о свѣдѣніяхъ изъ такой области, которая еще и у людей нашихъ собственныхъ поколѣній ускользаетъ отъ вниманія наблюдателей.

Мы знаемъ очень мало о юности Леонардо. Онъ родился въ 1452 году, въ маленькомъ городкѣ Винчи, находящемся между Флоренціей и Эмполи; онъ былъ внѣбрачнымъ ребенкомъ, что въ тѣ времена навѣрное не разсматривалось, какъ тяжелое соціальное пятно; его отецъ, синьоръ *Пьеро да Винчи*, нотаріусъ и потомокъ семьи нотаріусовъ и и земледѣльцевъ, получившихъ свое имя отъ мѣста рожденія. Его мать, Катарина, вѣроятно крестьянская дѣвушка, потомъ вышла замужъ за другого жителя изъ Винчи. Эта мать больше не встрѣчается въ біографіи Леонардо, только Мережковскій считаетъ возможнымъ доказать ея слѣды. Единственно надежное свѣдѣніе о дѣтствѣ Леонардо даетъ оффиціальный документъ 1457 г., флорентинскій кадастръ, въ которомъ среди другихъ домашнихъ членовъ семьи Винчи упоминается и Леонардо, пятилѣтній внѣбрачный ребенокъ с. Пьеро [1]). Бракъ с. Пьеро съ донной Альбіерой былъ бездѣтенъ, поэтому маленькій Леонардо могъ воспитываться въ домѣ своего отца. Отцовскій домъ онъ оставилъ (неизвѣстно въ какомъ возрастѣ) только по вступленіи ученикомъ въ мастерскую *Андреа Верроккіо*. Въ 1472 г. имя Леонардо встрѣчается уже въ спискѣ членовъ „Compagnia de Pittori". Это все.

[1]) Scognamiglio, т. ж., стр. 15.

II.

Насколько мнѣ извѣстно, Леонардо только одинъ единственный разъ въ своихъ научныхъ записяхъ приводитъ воспоминаніе дѣтства. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говорится о полетѣ коршуна, онъ внезапно себя прерываетъ и отдается всплывшему въ его памяти воспоминанію изъ очень ранняго дѣтства.

„Кажется, что мнѣ уже заранѣе было предопредѣлено такъ основательно заняться коршуномъ. Такъ мнѣ приходитъ на память, какъ очень раннее воспоминаніе, что когда я еще лежалъ въ колыбели, слетѣлъ ко мнѣ коршунъ, открылъ мнѣ своимъ хвостомъ ротъ и нѣсколько разъ этимъ хвостомъ ударилъ меня по губамъ“ [1]).

Итакъ, дѣтское воспоминаніе и въ высшей степени удивительное. Удивительное по своему содержанію и по времени, къ которому оно относится. Что человѣкъ можетъ сохранить воспоминаніе изъ періода младенчества, быть можетъ, не невѣроятно, но это ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться твер-

[1]) Questo scriver si distintamento del nibio par che sia mio destino, perchè nella mia prima ricordatione della mia infantia e mi parea che essendo io in culla, che un nibio venissi a me e mi aprissi la bocca colla sua coda e molte volte mi percuotesse con tal coda dentro alle labbra“. (Cod. atlant. F 65 V no Scognamiglio).

до установленнымъ. Но то, о чемъ говоритъ воспоминаніе Леонардо, а именно, что коршунъ своимъ хвостомъ открылъ ребенку ротъ,—звучитъ однако такъ невѣроятно, такъ сказочно, что напрашивается другое объясненіе, сразу устраняющее всѣ затрудненія.

Эта сцена съ коршуномъ не есть воспоминаніе Леонардо, а фантазія, которую онъ позднѣе создалъ и отнесъ къ своимъ младенческимъ годамъ. Дѣтскія воспоминанія людей часто и не имѣютъ другого происхожденія; они вообще не фиксируются и не повторяются съ момента переживанія, какъ сознательныя воспоминанія въ періодъ зрѣлости; но только позднѣе, когда дѣтство прошло, они извлекаются, при этомъ видоизмѣняются и подтасовываются въ интересахъ позднѣйшихъ тенденцій, такъ что въ общемъ они и не строго отличаются отъ фантазій. Быть можетъ, яснѣе всего можно себѣ представить ихъ характеръ, вспомнивъ, какъ у древнихъ народовъ пропзошла писанная исторія. До тѣхъ поръ, пока народъ былъ невеликъ и слабъ, онъ не думалъ о томъ, чтобы писать свою исторію: онъ обрабатывалъ почву страны, защищалъ свое существованіе отъ сосѣдей, старался захватить у нихъ земли и добиться богатства. Это былъ героическій, доисторическій періодъ. Затѣмъ наступилъ другой періодъ, когда онъ пришелъ въ ра-

зумъ, почувствовалъ себя богатымъ и сильнымъ и тогда явилась потребность узнать, откуда ты явился и какъ дошелъ до настоящаго состоянія. Начавшаяся писаться исторія, которая безпрерывно заносила событія текущаго времени, бросила также взглядъ назадъ, въ прошедшее, собрала устныя преданія и легенды, указала на пережитки старины въ нравахъ и обычаяхъ и создала такимъ образомъ исторію доисторическаго періода.

И неизбѣжно эта исторія явилась скорѣе выраженіемъ мнѣній и желаній современниковъ, чѣмъ картиной прошлаго, такъ какъ многое исчезло изъ памяти народа, другое видоизмѣнилось, нѣкоторые слѣды прошлаго невѣрно истолковывались въ смыслѣ современности, а сверхъ того, исторія писалась не по мотивамъ объективной любознательности, а хотѣлось вліять на своихъ современниковъ, увеличить ихъ рвеніе, поднять ихъ или поучать. Сознательную память человѣка о переживаніяхъ въ зрѣломъ возрастѣ можно вполнѣ сравнить съ этимъ писаніемъ исторіи, а его дѣтскія воспоминанія по своему происхожденію и достовѣрности въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуютъ поздно и тенденціозно изготовленной первобытной исторіи народа.

Если такимъ образомъ разсказъ Леонардо о коршунѣ, посѣтившемъ его въ колыбели,

только позднѣе родившаяся фантазія, то можно подумать, что наврядъ ли стоитъ дольше на ней останавливаться. Для объясненія ея можно было ограничиться явно обнаруживающейся здѣсь тенденціей освятить свое занятіе проблемой полета птицъ предопредѣленіемъ судьбы. Но такое пренебрежительное отношеніе было бы такъ же несправедливо, какъ не считаться съ матеріаломъ даваемымъ легендами, преданіями и истолкованіями въ исторіи доисторической жизни народа. Несмотря на всѣ извращенія и ложныя истолкованія, они все-таки даютъ реальную картину прошлаго; они есть то, что народъ создалъ изъ переживаній своей доисторической жизни подъ вліяніемъ когда-то могущественныхъ и теперь еще дѣйствующихъ мотивовъ, и если сумѣть только съ помощью знанія всѣхъ дѣйствующихъ силъ исправить эти искаженія, тогда можно за этимъ легендарнымъ матеріаломъ вскрыть историческую истину. То же самое можно сказать о дѣтскихъ воспоминаніяхъ и фантазіяхъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Не безразлично, что человѣку кажется, что онъ помнитъ изъ своего дѣтства; почти всегда въ этихъ ему самому непонятныхъ отрывкахъ воспоминаній скрываются неоцѣнимыя данныя для пониманія существеннѣйшихъ чертъ его душевнаго развитія. Такъ какъ въ психоаналитической техникѣ мы имѣемъ пре-

восходное вспомогательное средство вскрыть это скрытое, то да позволено намъ будетъ попытаться заполнить пробѣлъ въ жизнеописаніи Леонардо при помощи анализа фантазіи его дѣтскихъ лѣтъ. Если при этомъ мы и не добьемся удовлетворительныхъ результатовъ, то будемъ утѣшать себя тѣмъ, что такъ много другихъ изслѣдованій, касающихся этого великаго и загадочнаго человѣка, постигла не лучшая участь.

Когда мы однако разсматриваемъ фантазію съ коршуномъ глазомъ психоаналитика, то она не долго является для насъ странной, мы начинаемъ вспоминать, что въ снахъ, напр., мы часто встрѣчали нѣчто сходное, такъ что мы можемъ дерзнуть перевести своеобразный языкъ этой фантазіи на общепонятный. Переводъ тогда указываетъ на ея эротическій характеръ. Хвостъ „coda"—одинъ изъ общеизвѣстнѣйшихъ символовъ и замѣстительныхъ обозначеній мужского полового органа, на итальянскомъ не менѣе, чѣмъ на другихъ языкахъ; ситуація, изображенная въ фантазіи, что коршунъ открылъ ребенку ротъ и тамъ энергично работалъ хвостомъ, эта ситуація соотвѣтствуетъ представленію о fellatio, половомъ актѣ, при которомъ членъ вводится въ ротъ участвующаго въ актѣ лица. Довольно странно, что эта фантазія насквозь проникнута пассивнымъ характеромъ; она нѣсколько на-

поминаетъ извѣстные сны и фантазіи женщинъ или пассивныхъ гомосексуалистовъ, (которые при половыхъ сношеніяхъ играютъ роль женщины).

Пусть читатель воздержится и въ пламенномъ гнѣвѣ не отвергаетъ помощи психоанализа потому только, что онъ съ перваго момента его примѣненія приводитъ къ непростительному оскорбленію памяти великаго и чистаго человѣка. Но вѣдь ясно, что этотъ гнѣвъ никогда намъ не сможетъ сказать, что означаетъ фантазія дѣтства Леонардо; съ другой стороны, Леонардо самымъ недвусмысленнымъ образомъ признался въ этой фантазіи, и мы не отказываемся отъ предположенія—если угодно—предубѣжденія, что такая фантазія, какъ всякое созданіе психики, какъ сонъ, галлюцинація, бредъ должна имѣть какой-нибудь смыслъ. Поэтому удѣлимъ лучше аналитической работѣ, которая и не сказала еще своего послѣдняго слова, еще немного справедливаго вниманія.

Брать въ ротъ половой органъ мужчины и сосать его считается въ буржуазномъ обществѣ однимъ изъ отвратительнѣйшихъ половыхъ извращеній, и однако это среди современныхъ женщинъ — и какъ показываютъ старинныя картины и въ прежнія времена— очень частое явленіе, и повидимому въ состояніи влюбленности оно совершенно теряетъ

свой зазорный характеръ. Врачъ встрѣчается съ фантазіями, возникшими на почвѣ такого стремленія, и у женщинъ, узнавшихъ возможность такого полового удовлетворенія не путемъ чтенія „Половой психопатологіи". Крафта-Эбинга или другихъ сообщеній. По-видимому, женщинамъ легко создавать такія желанія—фантазіи по собственному почину. Далѣе изслѣдованіе показываетъ намъ, что эта, такъ тяжко осуждаемая ситуація допускаетъ самое невинное объясненіе. Она есть не что иное, какъ переработка другой ситуаціи, въ которой мы нѣкогда всѣ себя хорошо чувствовали; именно, будучи грудными дѣтьми („essendo io in culla"), когда мы брали въ ротъ грудь матери или кормилицы и сосали ее. Органическое впечатлѣніе этого нашего перваго наслажденія жизнью неизгладимо, конечно запечатлѣлось въ насъ; если впослѣдствіи ребенокъ увидитъ вымя коровы, которое по своей функціи соотвѣтствуетъ грудному соску, но по строенію и мѣстоположенію мужскому половому органу, онъ сдѣлалъ первый подготовительный шагъ къ позднѣйшему созданію упомянутой непристойной половой фантазіи.

Мы теперь понимаемъ, почему Леонардо

1) Ср. съ этимъ „Bruchstück einer Hysterieanalyse" „Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre" изд. 1909 г.

свое воспоминаніе о мнимомъ случаѣ съ коршуномъ отнесъ ко времени младенческаго періода жизни. Вѣдь подъ этой фантазіей скрывается не что иное, какъ воспоминаніе о сосаніи материнской груди; человѣческую красоту этой сцены онъ, какъ и многіе другіе художники, старался изобразить въ Мадоннѣ съ младенцемъ. Во всякомъ случаѣ мы должны запомнить, то, чего мы еще сейчасъ не понимаемъ, а именно что это для обоихъ половъ одинаково важное воспоминаніе было переработано мужчиной Леонардо въ пассивную гомосексуальную фантазію. Мы пока оставимъ въ сторонѣ вопросъ, какая приблизительно связь можетъ быть между гомосексуальностью и сосаніемъ материнской груди, и припомнимъ только то, что преданіе дѣйствительно рисуетъ Леонардо, какъ гомосексуально чувствующаго. При этомъ для насъ безразлично, было ли то обвиненіе объ его отношеніи къ юношѣ справедливымъ, или нѣтъ. Не реальныя дѣйствія, а направленіе чувства рѣшаетъ для насъ вопросъ, считать или не считать человѣка гомосексуальнымъ.

Прежде всего насъ интересуетъ другой непонятный моментъ въ фантазіи дѣтства Леонардо. Мы основываемъ свое толкованіе фантазіи на томъ, что его вскармливала мать, и видимъ, что мать въ фантазіи замѣщается

коршуномъ. Откуда явился здѣсь этотъ коршунъ?

Здѣсь напрашиваетъя одна догадка, но такая отдаленная, что испытываешь желаніе отъ нея отказаться. Въ священныхъ іероглифахъ древнихъ египтянъ мать обозначается изображеніемъ коршуна[1]). Эти египтяне почитали также женское божество, которое изображалось съ головой коршуна, или съ нѣсколькими головами, изъ которыхъ одна по крайней мѣрѣ была головой коршуна[2]). Имя этой богини выговаривается „Мутъ“; является ли сходство звуковъ со словомъ „Mutter“ (мать) только простымъ совпаденіемъ? Такимъ образомъ коршунъ дѣйствительно имѣетъ какую-то связь съ матерью, но что же мы можемъ изъ этого извлечь? Можемъ ли мы предполагать у Леонардо эти свѣдѣнія, когда чтеніе іероглифовъ удалось только Франсуа Шамполіону (1790—1832[3]).

Займемся теперь вопросомъ, какимъ путемъ древніе египтяне дошли до того, что сдѣлали коршуна символомъ материнства?

---

1) Horapollo, Hieroglyphica. I. II Μητέρα δὲ γράφοντες... γῦπα ξωγραφοῦσιν.

2) Roscher. Aust. Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Artikel Mut, II B. 1894—1897.—Lanzone. Dizionario di mitologia egizia. Туринъ 1882.

3) H. Hartleben, Champollion, Sein Leben und sein Werk 1906.

Уже у грековъ и римлянъ религія и культура египтянъ сдѣлалась предметомъ научной любознательности, и еще задолго до того, какъ мы сами научились разбирать египетскіе памятники, въ нашемъ распоряженіи были отдѣльныя свѣдѣнія объ этомъ изъ сохранившихся произведеній классической древности, произведеній отчасти принадлежащихъ извѣстнымъ писателямъ какъ *Страбонъ*, *Плутархъ*, *Амміанъ*, *Марцеллинъ*, отчасти неизвѣстнымъ авторомъ, произведенія которыхъ по мѣсту и времени появленія возбуждаютъ сомнѣнія; какъ, напримѣръ, Hieroglyphica *Horapollo Nilys'a*, а также дошедшая до насъ подъ именемъ бога Гермеса Трисмегиста книга мудрости восточныхъ жрецовъ. Изъ этихъ источниковъ мы узнали, что коршунъ потому считался символомъ материнства, что полагали, что существуютъ только самки-коршуны, а самцовъ у этой породы птицъ нѣтъ[1]). Природовѣдѣніе древнихъ знало воззрѣніе и противоположнаго характера: египтяне, обожествлявшіе породу жуковъ Scarabaea предполагали среди нихъ только существованіе самцовъ[2]).

Какъ же происходитъ оплодотвореніе кор-

[1]) γῦπα δὲ ἄρρενα οὐ φασιγένεσθαι ποτε αἶλα θηλείας ἅπασας у Römer'a: „Über die androgynische Idee des Lebens". Jahrb. f. sexuelle Zwischenstuf, v 1903, стр. 732.

[2]) Плутархъ: Veluti scarabaeas mares tantum esse

шуновъ, если всѣ они самки? На это даетъ отвѣтъ одно мѣсто у Horapollo [1]), въ извѣстный періодъ эти птицы во время полета зачинаютъ отъ вѣтра.

Неожиданнымъ образомъ мы теперь склонны считать вѣроятнымъ нѣчто такое, что только недавно должны были отбросить, какъ абсурдное. Очень вѣроятно, что Леонардо зналъ научную сказку, которой коршунъ обязанъ тѣмъ, что египтяне посредствомъ его изображенія выражали понятіе материнства. Онъ былъ великимъ книжникомъ, и его интересы распространялись на всѣ области литературы и науки. Въ Codex atlanticus'ѣ мы имѣемъ списокъ всѣхъ книгъ, которыми онъ самъ обладалъ къ извѣстному времени [2]), и, кромѣ того, многочисленныя замѣтки о другихъ книгахъ, одолженныхъ имъ у друзей. Принимая во вниманіе выдержки, собранныя по его записямъ *Фр. Рихтеромъ*, мы наврядъ ли переоцѣниваемъ объемъ прочитаннаго имъ. Среди этой массы книгъ нѣтъ недостатка ни въ древнихъ, ни въ со-

putarunt Ägyptii sic inter vultures mares non inveniri statuerunt.

[1]) Horapollinis Niloi Hieroglyphica edidit Conradus Leemans Amstelodami 1835. Мѣсто, имѣющее отношеніе къ полу коршуна гласитъ слѣд. (стр. 14): μητέρα μέν επειδή ἄρρεν ἐν τούτω τῷ γένει τῶν Ξώων οὐκ ὑπάρχει.

[2]) E. Müntz. Leonard de Vinci, Paris 1899, стр. 282.

временныхъ ему сочиненіяхъ по природовѣдѣнію. Всѣ эти книги были уже тогда печатными, и Миланъ именно былъ для Италіи главнымъ пунктомъ молодого искусства книгопечатанія.

Если мы теперь пойдемъ дальше, то мы наталкиваемся на сообщеніе, которое превращаетъ наше предположеніе, что Леонардо зналъ сказку о коршунѣ, въ увѣренность. Ученый издатель и комментаторъ Harapollo замѣчаетъ къ уже цитированному тексту (стр. 172). Caeterum hanc fabulam de vulturibus cupide amplexi sunt Patres Ecclesiastici, ut ita argumento ex rerum natura petito refutarent eos, qui Virginis partum negabant; itaque apud omnes fere hujus rei mentio occarit.

Такимъ образомъ басня объ однополости коршуновъ и ихъ зачатіи ни въ коемъ случаѣ не осталась такимъ безразличнымъ анекдотомъ, какъ аналогичная басня о жукѣ-копрѣ; отцы церкви воспользовались этимъ естественнонаучнымъ аргументомъ противъ сомнѣвавшихся въ священной исторіи. Если по убѣдительнымъ свѣдѣніямъ древнихъ коршуны оплодотворяются вѣтромъ, то почему бы не случиться тому же самому когда-нибудь съ женщиной? Благодаря выгодности

[1]) Müntz, т. ж.

такой аналогіи, „почти всѣ“ отцы церкви разсказывали эту басню о коршунѣ, а потому наврядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что, благодаря столь сильному покровительству она сдѣлалась извѣстной и Леонардо.

Итакъ происхожденіе у Леонардо фантазіи о коршунѣ мы можемъ представить себѣ слѣдующимъ образомъ. Когда онъ однажды у какого-нибудь отца церкви или въ книгѣ по естествовѣдѣнію прочелъ, что коршуны всѣ самки и что умѣютъ размножаться безъ содѣйствія самцовъ, у него всплыло воспоминаніе, которое превратилось въ упомянутую фантазію, но послѣдняя означала, что онъ такое же дитя коршуна, у котораго была мать, но не было отца; къ этому присоединился еще (въ томъ видѣ, въ какомъ могутъ выразиться только столь отдаленныя впечатлѣнія) отзвукъ наслажденія, испытаннаго у материнской груди. То, что, авторы передавая эту сказку, намекали при этомъ на дорогой всякому художнику образъ св. Дѣвы съ Младенцемъ, должно было въ его глазахъ усугубить значеніе и важность этой фантазіи. Такимъ образомъ онъ пришелъ къ отождествленію себя съ младенцемъ Христомъ, Утѣшителемъ и Спасителемъ не только одной женщины.

Анализируя фантазію дѣтства, мы стремимся отдѣлить дѣйствительныя воспоми-

нанія отъ позднѣйшихъ мотивовъ, модифицирующихъ и извращающихъ ихъ. Въ случаѣ съ Леонардо мы предполагаемъ, что теперь мы дошли до дѣйствительнаго содержанія его фантазіи; замѣщеніе матери коршуномъ говоритъ за то, что ребенокъ чувствовалъ отсутствіе отца и жилъ одинъ съ матерью. Фактъ незаконнаго рожденія Леонардо отвѣчаетъ его фантазіи о коршунѣ: только потому онъ и могъ сравнить себя съ дѣтенышами коршуна. Но мы знаемъ, какъ ближайшій достовѣрный фактъ изъ его юности, что въ возрастѣ пяти лѣтъ онъ жилъ въ домѣ своего отца; когда онъ къ нему перешелъ, спустя ли нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія, или за нѣсколько недѣль до составленія упомянутаго кадастра, это совершенно неизвѣстно. Тутъ выступаетъ толкованіе фантазіи о коршунѣ, которая говоритъ намъ, что Леонардо самые рѣшающіе, первые годы дѣтства провелъ не у своего отца и мачехи, а у бѣдной, покинутой настоящей матери, такъ что у него было время замѣтить отсутствіе отца. Это кажется ничтожнымъ, да къ тому все еще рискованнымъ выводомъ психоаналитическаго изслѣдованія но при дальнѣйшемъ углубленіи значеніе этого вывода увеличится. Увѣренность эта дѣлается еще больше при разсмотрѣніи фактическихъ условій его дѣтства. По свѣдѣніямъ отецъ его синьоръ

Пьеро да-Винчи, еще въ годъ рожденія Леонардо женился на знатной доннѣ Альбіера; бездѣтности этого брака мальчикъ обязанъ тѣмъ, что, какъ установлено документально, на пятомъ году жизни онъ былъ уже въ домѣ своего отца или скорѣе дѣда. Но вѣдь не принято, чтобы молодой женщинѣ, разсчитывающей еще на собственныхъ дѣтей, сразу поручили воспитаніе незаконнаго отпрыска. Прошли, нужно думать, годы, принесшіе разочарованіе, раньше чѣмъ рѣшились взять незаконнорожденаго ребенка, вѣроятно прелестнаго, взамѣнъ тщетно ожидавшихся законныхъ дѣтей. Прекрасно отвѣчаетъ толкованію фантазіи о коршунѣ предположеніе, что прошло по крайней мѣрѣ три, быть можетъ, пять лѣтъ со дня рожденія раньше, чѣмъ Леонардо могъ замѣнить одинокую мать отцовскимъ домомъ. Но тогда уже было слишкомъ поздно: въ первые три-четыре года жизни фиксируются впечатлѣнія и кладется начало способу реагированія на внѣшній міръ, и никакія позднѣйшія переживанія уже не могутъ уничтожить ихъ значенія.

Если вѣрно, что непонятныя воспоминанія дѣтства и построенныя на нихъ фантазіи выражаютъ самое существенное въ ходѣ душевнаго развитія человѣка, то тотъ фактъ, подкрѣпленный фантазіей о коршунѣ, что

Леонардо провелъ свои первые дѣтскіе годы только съ матерью, долженъ былъ оказать самое рѣшительное вліяніе на складъ его внутренней жизни. Среди дѣйствующихъ факторовъ этой ситуаціи не могло не быть того, чтобы ребенокъ, встрѣтившій въ своей жизни по сравненію съ другими дѣтьми еще одну лишнюю проблему, не накинулся съ особенной страстностью на загадку, и такимъ образомъ не сдѣлался преждевременно изслѣдователемъ, котораго мучили великіе вопросы, на загадку, откуда берутся дѣти и какую роль при этомъ играетъ отецъ? Неясное чувство связи между своимъ стремленіемъ къ познанію и исторіей своего дѣтства вырвало у него впослѣдствіи восклицаніе, что ему уже издавна предопредѣлено было заняться проблемой полета птицъ, такъ какъ въ колыбели еще его посѣтилъ коршунъ. Доказать, что любознательность, направленная на полетъ птицъ, проистекаетъ изъ инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія, является задачей послѣдующаго изложенія, которую нетрудно будетъ разрѣшить.

III.

Въ фантазіи дѣтства Леонардо коршунъ отражаетъ реальное содержаніе воспоминанія; связь, въ которую самъ Леонардо поставилъ свою фантазію, бросила яркій свѣтъ на зна-

ченіе этого содержанія для его позднѣйшей жизни. При дальнѣйшемъ истолкованіи мы наталкиваемся на странный вопросъ: почему содержаніе этого воспоминанія переработано въ гомосексуальную ситуацію? Мать, которая кормитъ ребенка—или лучше, грудь которой онъ сосетъ—превратилась въ коршуна, который засунулъ свой хвостъ ребенку въ ротъ. Мы сказали, что „coda“ (хвостъ) коршуна въ простонародномъ употребленіи можетъ обозначать не что иное, какъ мужской половой органъ. Но намъ непонятно, какъ работа фантазіи снабдила именно птицу-мать мужскимъ половымъ признакомъ и въ виду такого абсурда мы уже и не знаемъ, можно ли въ эту фантазію вложить разумный смыслъ.

Межъ тѣмъ мы не должны унывать. Сколько на видъ нелѣпыхъ сновъ мы заставили раскрыть свое содержаніе! Почему это должно для фантазіи дѣтства оказаться труднѣе, чѣмъ для сна!

Будемъ помнить о томъ, что плохо, когда странность встрѣчается въ единственномъ числѣ, и поспѣшимъ рядомъ съ ней поставить другую, еще болѣе бросающуюся въ глаза.

Египетская богиня *Мутъ* съ головой коршуна, представляющая фигуру совершенно безличнаго характера, какъ опредѣляетъ ее Дрекслеръ въ словарѣ Рошера, часто сливалась съ другими божествами, олицетворяв-

шими материнство, но съ болѣе яркой индивидуальностью, какъ Изида и Гаторъ, но сохранила наряду съ этимъ свое отдѣльное существованіе и почитаніе. Особое своеобразіе египетскаго пантеона состояло въ томъ, что отдѣльные боги не изчезли въ синкретизмѣ. Наряду со слившимися божествами продолжали существовать самостоятельно простыя изображенія боговъ. Божество съ головой коршуна, изображалось египтянами, какъ показываетъ большинство рисунковъ, съ фаллосомъ[1]); ея тѣлу, носившему съ одной стороны признаки женщины, груди, съ другой придавали признаки мужчины, членъ въ состояніи эрекціи.

Итакъ у богини Мутъ такое же сліяніе женскихъ и мужскихъ признаковъ, какъ въ фантазіи Леонардо! Слѣдуетъ ли объяснить это совпаденіе допущеніемъ, что Леонардо изъ своихъ книгъ узналъ о двуполомъ характерѣ материнскаго коршуна? Такая возможность болѣе, чѣмъ сомнительна: кажется, что въ доступныхъ ему источникахъ объ этомъ странномъ признакѣ коршуна ничего не говорилось. Гораздо скорѣе можно это совпаденіе отнести на счетъ одного, и тутъ и тамъ дѣйствующаго, но еще неизвѣстнаго мотива.

Миѳологія можетъ намъ показать, что андро-

1) Ср. съ картинами у Lanzone, T. CXXXVI—VIII.

гиническое изображеніе, соединеніе въ одномъ божествѣ мужскихъ и женскихъ половыхъ признаковъ, принадлежало не только богинѣ Мутъ, но и другимъ божествамъ, напр., Изидѣ и Гаторъ, но этимъ послѣднимъ, быть можетъ, постольку, поскольку онѣ тоже носи и характеръ олицетворенія материнства и сливались съ божествомъ Мутъ.[1]) Дальше миѳологія намъ говоритъ, что другія египетскія божества, какъ Нейтъ изъ Саиса, изъ которой потомъ произошла греческая Аѳина, первоначально понимались, какъ андрогиническія, дигермафродическія; и то же самое относилось и ко многимъ *греческимъ* богамъ, въ особенности изъ круга Діониса, но также и къ позднѣе выдѣлившейся женской богинѣ любви Афродитѣ. Поэтому можно попытаться объяснить изображеніе женскаго тѣла съ присоединеніемъ фаллоса, какъ долженствующее изображать первобытную творческую силу природы, и что всѣ эти двуполыя изображенія боговъ выражаютъ идею, что только соединеніе мужскаго и женскаго начала можетъ дать достаточное представленіе о божественномъ совершенствѣ. Но ни одно изъ этихъ замѣчаній не объясняетъ психологической загадки, какъ фантазія людей не останавливается передъ тѣмъ, что изображе-

1) Römer т. же.

ніе, долженствующее олицетворять материнскую сущность, снабжается символомъ мужской силы, противоположнымъ материнству?

Объясненіе приходитъ со стороны инфантильныхъ сексуальныхъ теорій. Несомнѣнно существовало время, когда находили совмѣстимымъ изображеніе материнства съ мужскимъ половымъ органомъ. Когда ребенокъ—мальчикъ—впервые направляетъ свою любознательность на загадку половой жизни, то имъ владѣетъ интересъ къ его собственному половому органу. Онъ находитъ эту часть своего тѣла слишкомъ цѣннымъ и важнымъ, чтобы онъ могъ предполагать, что она отсутствуетъ у другихъ людей, съ которыми онъ себя чувствуетъ столь схожимъ. Такъ какъ ребенокъ не можетъ себѣ представить, что существуетъ еще другой, равноцѣнный типъ половыхъ органовъ, то онъ предполагаетъ, что всѣ люди, а также и женщины, обладаютъ такимъ членомъ. Это мнѣніе такъ прочно укрѣпляется въ умѣ молодого изслѣдователя, что даже первыя наблюденія надъ половыми органами маленькихъ дѣвочекъ не въ состояніи его уничтожить. Воспріятіе во всякомъ случаѣ говоритъ ему, что здѣсь нѣчто другое, чѣмъ у него, но оно не въ состояніи убѣдить его, что у дѣвочекъ нѣтъ члена. Что членъ можетъ отсутствовать, эта мысль для него непріятна и невыно-

сима, поэтому онъ старается найти примиряющее рѣшеніе: у дѣвочки тоже существуетъ членъ, но онъ еще очень малъ, онъ потомъ вырастетъ[1]) Когда эта надежда при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ не осуществляется, у него напрашивается другой выходъ. Членъ былъ также и у дѣвочки, но его отрѣзали, и на этомъ мѣстѣ осталась рана Этотъ прогрессъ въ его теоріи основанъ на личныхъ испытаніяхъ непріятнаго характера; онъ между прочимъ слышалъ угрозу, что у него отрѣжутъ этотъ драгоцѣнный органъ, если онъ будетъ проявлять къ нему слишкомъ большой интересъ. Подъ вліяніемъ этой угрозы онъ теперь мѣняетъ свой взглядъ на женскіе половые органы; отнынѣ онъ будетъ дрожать за свой мужской признакъ, но при этомъ будетъ презирать несчастныя созданія, которыхъ, по его мнѣнію, уже подвергли страшному наказанію.

Раньше чѣмъ ребенокъ подпалъ подъ власть комплекса кастраціи, въ то время, когда женщина еще не потеряла въ его глазахъ цѣны, у него начинаетъ проявляться интенсивное удовольствіе въ подсматриваніи (Schaulust), какъ выраженіе эротическаго влеченія. Ребенокъ хочетъ видѣть половые

[1]) Ср. наблюд. въ „Jahrbuch für psychoanal. und psychopath. Forsch.“ Bd. 1. 1909.

органы другихъ людей, вначалѣ, вѣроятно, съ цѣлью сравнить ихъ со своими. Эротическая притягательность, исходящая отъ матери, повышается до страстнаго желанія видѣть ея половой органъ, который, по его предположенію, долженъ быть penis'омъ. При позднѣе пріобрѣтенной увѣренности, что женщина не обладаетъ penis'омъ, это страстное желаніе часто превращается въ свою противоположность и уступаетъ мѣсто отвращенію, которое въ періодъ половой зрѣлости можетъ сдѣлаться причиной психической импотенціи, ненависти къ женщинѣ и длительной гомосексуальности. Но фиксація на когда-то страстно желанномъ объектѣ, на penis'ѣ у женщины, оставляетъ неизгладимые слѣды въ душѣ ребенка, который продѣлалъ эту часть инфантильнаго сексуальнаго изслѣдованія съ особенной глубиной. Фетишистское почитаніе женской ноги и башмака, повидимому, беретъ ногу только, какъ замѣщающій символъ когда-то оботворяемаго и съ тѣхъ поръ желаннаго полового члена у женщины; „обрѣзатели косъ", сами того не зная, играютъ роль лицъ, которыя выполняютъ актъ кастраціи надъ женскимъ половымъ органомъ. До тѣхъ поръ, пока не будетъ оставлена точка зрѣнія нашего культурнаго пренебреженія къ половымъ органамъ и къ половымъ функціямъ вообще, не-

льзя будетъ правильно отнестись къ дѣятельности дѣтской сексуальности и, вѣроятно, попытаются даже объявить мои положенія не достойными довѣрія. Для пониманія душевной жизни ребенка необходимо прибѣгнуть къ аналогіи съ первобытными людьми. Для насъ половые органы уже въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, pudenda, предметъ стыда, а при далеко заходящемъ вытѣсненія сексуальнаго, даже отвращенія. Неохотно подчиняется большинство современныхъ людей законамъ размноженія, и при этомъ они чувствуютъ униженіе и оскорбленіе ихъ человѣческаго достоинства. Что касается другого пониманія половой жизни въ современномъ обществѣ, то оно удержалось только въ культурно отсталыхъ, низшихъ слояхъ народа; въ высшихъ же и болѣе утонченныхъ оно прячется, какъ нѣчто съ культурной точки зрѣнія постыдное и дерзаетъ реализоваться лишь въ сопровожденіи горькихъ упрековъ совѣсти. Иначе было въ первобытныя времена. По даннымъ, добытымъ изслѣдователями развитія культуры, можно убѣдиться, что половые органы первоначально были гордостью и надеждой людей, что ихъ обожествляли, и божественность ихъ функцій переносили на всѣ вновь открывавшіеся виды человѣческой дѣятельности. Безчисленныя божества пріобрѣли болѣе воз-

вышенный характеръ путемъ сублимированія своей первоначальной сущности, и къ тому времени, когда связь между оффиціальными религіями и половой дѣятельностью была уже скрыта для общаго сознанія, тайные культы старались сохранть ее въ тѣсномъ кругу посвященныхъ. Наконецъ, въ ходѣ культурнаго развитія изъ пола извлечено было столько божественнаго и священнаго, что истощенный остатокъ подвергся презрѣнію Но при той неистребимости, которая присуща характеру всѣхъ душевныхъ слѣдовъ, не слѣдуетъ удивляться, что можно прослѣдить до самыхъ недавнихъ временъ даже примитивнѣйшія формы обожанія половыхъ органовъ, и что языкъ народа и предразсудки современнаго человѣчества содержатъ пережитки всѣхъ фазъ этого хода развитія. [1])

При помощи серьезныхъ біологическихъ аналогій мы подготовлены къ тому, чтобы признать, что душевное развитіе отдѣльнаго человѣка сокращенно повторяетъ ходъ развитія человѣчества, а потому мы не найдемъ невѣроятнымъ то, что дало психоаналитическое изслѣдованіе дѣтской души по отношенію къ инфантильному почитанію поло-

1) Ср. Richard Payne Knight. Le culte du Priape. (переводъ съ англійскаго, Брюссель 1883).

выхъ органовъ. Дѣтское предположеніе penis'a у матери есть такимъ образомъ общій источникъ, изъ котораго проистекаетъ андрогиническое изображеніе материнскихъ божествъ, какъ египетской Мутъ и „coda" коршуна въ дѣтской фантазіи Леонардо. Мы только по недоразумѣнію называемъ эти изображенія боговъ гермафродическими въ медицинскомъ смыслѣ слова. Никто изъ нихъ въ дѣйствительности не совмѣщаетъ мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ, какъ это бываетъ при нѣкоторыхъ уродствахъ, возбуждающихъ отвращеніе у каждаго человѣка. Къ грудямъ, признаку материнства, присоединялся мужской половой органъ, какъ это бываетъ въ первомъ представленіи ребенка о тѣлѣ матери. Миѳологія сохранила для вѣрующихъ это почтенное, первоначально фантастическое строеніе материнскаго тѣла. Такимъ образомъ явленіе коршуньяго хвоста въ фантазіи Леонардо мы можемъ такъ истолковать: тогда, когда я обратилъ мое нѣжное любопытство на мать и приписалъ ей такой же половой органъ, какъ у меня. Дальнѣйшее доказательство преждевременнаго сексуальнаго изслѣдованія Леонардо, которое, по нашему мнѣнію, сдѣлалось рѣшающимъ для всей его послѣдующей жизни.

Небольшое размышленіе заставляетъ насъ теперь думать, что мы не должны ограни-

читься объясненіемъ значенія коршуньяго хвоста въ фантазіи Леонардо. Въ ней, повидимому, большее кроется, чего мы еще не понимаемъ. Вѣдь больше всего въ ней бросается въ глаза то, что она сосаніе материнской груди изъ активнаго дѣйствія превратила въ пассивное и этимъ несомнѣнно создала ситуацію гомосексуальнаго характера. Помня историческую вѣроятность, что Леонардо велъ себя въ жизни, какъ гомосексуально чувствующій, у насъ напрашивается вопросъ, не указываетъ ли эта фантазія на причинную связь между его отношеніемъ въ дѣтствѣ къ матери и позднѣе обнаруженной, хотя и идеальной, гомосексуальностью? Мы бы не рѣшились заключить о таковой на основаніи замаскированныхъ воспоминаній Леонардо, еслибы намъ не было извѣстно изъ психоаналитическаго изслѣдованія гомосексуальныхъ паціентовъ, что таковая существуетъ и что она даже внутренне необходима.

Гомосексуальные мужчины, открывшіе въ наше время энергичный походъ противъ воспрещенной имъ закономъ сексуальной дѣятельности, любятъ въ своихъ теоретическихъ выступленіяхъ относить себя, какъ съ самаго начала особой породѣ, къ промежуточной сексуальной ступени, къ „третьему полу“. Они мужчины, органическое стремленіе которыхъ съ самаго зародыша связало

удовольствіе съ мужчиной, оторвавъ его отъ женщины. Насколько охотно изъ гуманныхъ соображеній можно подписаться подъ ихъ требованіями, настолько нужно быть осторожнымъ по отношенію къ ихъ теоріямъ, которыя въ своемъ построеніи не считаются съ психическимъ происхожденіемъ гомосексуальности. Психоанализъ помогаетъ заполнить этотъ пробѣлъ и даетъ возможность подвергнуть провѣркѣ утвержденія гомосексуалистовъ. Эту задачу онъ могъ выполнить по отношенію къ небольшому числу лицъ, но всѣ предпринятыя до сихъ поръ изслѣдованія дали тотъ же поразительный результатъ [1]). У всѣхъ подвергшихся анализу гомосексуальныхъ мужчинъ въ первый періодъ дѣтства, забытый позднѣе индивидуумомъ, существовала очень сильная эротическая привязанность къ женскому существу, обычно къ матери, вызванная или поощренная слишкомъ сильной любовью самой матери, и поддержанная въ дѣтствѣ отступленіемъ на второй планъ отца. Садгеръ указываетъ, что матери его паціентовъ — гомосексуалистовъ—часто имѣли сходство съ мужчинами, были жен-

1) Это прежде всего изслѣдованія I. Sadger'a, которыя я могу подтвердить въ главномъ по личному опыту. Затѣмъ мнѣ извѣстно, что къ тѣмъ же результатамъ пришелъ W. Stekel (Вѣна) и S. Ferenczi въ Будапештѣ.

щины съ энергичнымъ характеромъ, которыя оттѣсняли отца; мнѣ приходилось то же самое наблюдать, но болѣе сильное впечатлѣніе оставили тѣ случаи, гдѣ отецъ съ самаго начала отсутствовалъ, или гдѣ его очень рано не стало, такъ что мальчикъ находился подъ женскимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, выходитъ почти такъ, что наличность отца съ сильной индивидуальностью гарантировало бы сыну правильное рѣшеніе въ выборѣ объекта.

Послѣ этой предварительной стадіи наступаетъ превращеніе, механизмъ котораго намъ извѣстенъ, но двигательныя силы котораго мы еще не постигаемъ. Любовь къ матери не можетъ участвовать въ дальнѣйшей сознательной эволюціи, она подвергается вытѣсненію. Мальчикъ вытѣсняетъ любовь къ матери, ставя самого себя на ея мѣсто, идентифицируя себя съ матерью и беря свою собственную личность за образецъ, избираетъ новый объектъ любви въ сходномъ съ собой; онъ сталъ такимъ образомъ, гомосексуальнымъ, собственно говоря, онъ снова впалъ въ аутоэротизмъ, такъ какъ мальчики, которыхъ любитъ этотъ взрослый человѣкъ, являются только замѣстителями и возобновленіемъ его собственной дѣтской фигуры: онъ ихъ такъ любитъ, какъ нѣкогда его любила мать. Мы говоримъ,

что онъ находитъ свой объектъ любви на пути нарцисизма, такъ какъ греческая миѳологія называетъ одного юношу, которому ничто такъ не нравилось, какъ свое собственное отраженіе и который былъ превращенъ въ красивый цвѣтокъ нарциса, Нарцисомъ.

Болѣе глубокія психологическія данныя доказываютъ правильность утвержденія, что индивидуумъ, сдѣлавшійся такимъ путемъ гомосексуальнымъ, въ безсознательномъ продолжаетъ быть прикованнымъ къ образу матери. Благодаря вытѣсненію любви къ матери, онъ сохраняетъ эту любовь въ безсознательномъ и отнынѣ остается вѣрнымъ матери. Если на видъ онъ дѣлается поклонникомъ мальчиковъ, то по существу онъ бѣжитъ отъ другихъ женщинъ, которыя могли бы его заставить нарушить эту вѣрность. Отдѣльные случаи непосредственнаго наблюденія дали намъ возможность доказать, что индивидуумъ, на видъ реагирующій только на мужчинъ, въ дѣйствительности подверженъ влеченію, исходящему отъ женщины, такъ же, какъ и нормальный человѣкъ; но онъ каждый разъ спѣшитъ возбужденіе, вызванное женщиной, перенести на мужской объектъ и такимъ образомъ постоянно повторяетъ механизмъ, при помощи котораго онъ пріобрѣлъ свою гомосексуальность.

Мы ни въ какомъ случаѣ не желаемъ преувеличить значеніе этихъ соображеній о психическомъ происхожденіи гомосексуальности. Совершенно ясно, что они рѣзко противорѣчатъ оффиціальнымъ теоріямъ защитниковъ гомосексуальности, но мы знаемъ что они недостаточно объемлющи, чтобы сдѣлать возможнымъ окончательное выясненіе проблемы. То, что изъ практическихъ основаній называютъ гомосексуальностью, можетъ проистекать изъ разнообразныхъ психосексуальныхъ задерживающихъ процессовъ, и установленный нами процессъ представляетъ, можетъ быть, только одинъ изъ многихъ и относится лишь къ одному типу „гомосексуальности“. Мы должны также признать, что въ нашемъ гомосексуальномъ типѣ число случаевъ, гдѣ могутъ быть доказаны требуемыя нами условія, далеко превосходитъ тѣ случаи, гдѣ дѣйствительно наступаетъ производный эффектъ; такъ что и мы не можемъ отвергнуть содѣйствія неизвѣстныхъ органическихъ факторовъ, которымъ прежде приписывали всѣ виды гомосексуальности. Мы бы вообще не имѣли никакого повода останавливаться здѣсь на психическомъ происхожденіи изученной нами формы гомосексуальности, еслибы къ тому не побуждало насъ серьезное предположеніе, что именно Леонардо, фантазія о коршунѣ

котораго послужила исходнымъ пунктомъ, принадлежитъ только къ этому типу гомосексуальности.

Какъ ни мало извѣстно о сексуальномъ поведеніи великаго художника и изслѣдователя, однако нужно считать вѣроятнымъ, что показанія его современниковъ не грубо ошибочны. Въ свѣтѣ этихъ показаній онъ намъ рисуется человѣкомъ, у котораго сексуальная потребность и активность были необычайно понижены, какъ-будто высшее стремленіе подняло его надъ низкой животной потребностью людей. Пусть остается нерѣшеннымъ вопросъ, искалъ ли онъ когда-либо вообще и въ какомъ видѣ искалъ непосредственное половое удовлетвореніе, или онъ совершенно не нуждался въ немъ. Но мы вправѣ и у него искать то бурное чувство, которое другихъ повелительно толкаетъ къ сексуальному дѣйствію, такъ какъ мы не можемъ себѣ представить душевной жизни человѣка, въ созданіи которой не приняло бы участія сексуальное вожделѣніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, libido, хотя бы послѣднее далеко отошло отъ своей первоначальной цѣли, или воздержалось бы отъ реализаціи.

Мы не должны надѣяться найти у Леонардо ничего, кромѣ слѣдовъ отъ непревращеннаго сексуальнаго стремленія. Но эти слѣды показываютъ однако направленіе и позволя-

ютъ еще причислить его къ гомосексуальнымъ. Уже давно было указано, что Леонардо принималъ въ ученики только необыкновенно красивыхъ мальчиковъ и юношей. Онъ былъ съ нимъ добръ и снисходителенъ, заботился о нихъ и самъ ухаживалъ за ними во время болѣзни, какъ мать ухаживаетъ за своими дѣтьми, какъ его мать хотѣла бы, чтобы за нимъ смотрѣли. Такъ какъ онъ при выборѣ ихъ руководствовался не талантомъ, а красотой, никто изъ нихъ, — Чезаре де Сесто, Г. Болтрафіо, Андреа Салаино, Франческо Мельци и др.—не сдѣлался выдающимся художникамъ. Большей частью они не въ состояніи были отстоять передъ учителемъ свою самостоятельность и исчезли послѣ его смерти, не оставивъ по себѣ въ исторіи искусства опредѣленной физіономіи. Другихъ, которые по характеру своего творчества могли съ полнымъ правомъ называться его учениками, какъ *Луини* и *Бацци*, по прозванію Содома, Леонардо, вѣроятно, лично не зналъ.

Мы знаемъ, что мы встрѣтимъ возраженіе, что поведеніе Леонардо по отношенію къ ученикамъ не имѣетъ вообще ничего общаго съ сексуальнымъ и не позволяетъ дѣлать никакихъ выводовъ на счетъ его сексуальныхъ особенностей. На это мы со всей осторожностью замѣтимъ, что наше пониманіе

объясняетъ нѣкоторыя странныя черты въ поведеніи Леонардо, которыя иначе оставались бы загадочными. Леонардо велъ дневникъ; онъ въ немъ дѣлалъ маленькія замѣтки, своимъ почеркомъ справа налѣво, которыя были предназначены только для него. Въ этомъ дневникѣ онъ страннымъ образомъ говоритъ себѣ „ты“: „Изучи у маэстро Луки умноженіе корней“ [1]). „Пусть тебѣ маэстро д'Абакко покажетъ квадратуру круга“.—Или при намѣреніи ѣхать [2]). „Я ѣду по дѣлу садоводства въ Миланъ..... Дай себѣ сдѣлать сумки.... Пусть тебѣ Болтрафіо покажетъ токарный станокъ и отдѣлай на немъ камень.—Оставь книгу маэстро Андреа Тодеско [3]). Или предписаніе совершенно другого характера: „Въ первой статьѣ ты долженъ показать, что земля—звѣзда, какъ луна или въ этомъ родѣ, и такимъ образомъ доказать благородство нашего міра [4]).

[4]) M. Herzfeld. Leonardo da Vinci. 1906., стр. CXLI.

Въ этомъ дневникѣ, какъ впрочемъ и въ дневникѣ другихъ смертныхъ, гдѣ часто важнѣйшія событія дня отмѣчаются немногими словами или совершенно замалчиваются, на-

[1]) Solmi. Leonardo da Vinci.

[2]) Т. же.

[3]) Леонардо ведетъ себя въ этихъ случаяхъ, какъ человѣкъ, который привыкъ давать другому лицу ежедневный отчетъ и теперь взамѣнъ этого лица завелъ дневникъ. О предположеніи, кто было это лицо см. у Мережковскаго.

ходится нѣсколько записей, которыя въ виду своей странности приводятся всѣми біографами. Это записи мелкихъ расходовъ художника, такія утомительно точныя, какъ будто это продѣлалъ какой-нибудь филистерски строгій и бережливый хозяинъ; между тѣмъ записи о расходованіи большихъ суммъ отсутствуютъ и вообще ничего не говоритъ за то, чтобы художникъ понималъ въ хозяйствѣ. Одна изъ этихъ записей относится къ новому плащу, сдѣланному ученику Андреа Салаино [1]:

Серебряная парча	15	лир.	4 сольди.
Красн. бархатъ для отдѣл.	9	„	— „
Шнуры	—	„	9 „
Пуговицы.	—	„	12 „

Другая очень точная запись подводитъ итогъ всѣмъ расходамъ, которые ему причинилъ другой ученикъ своими дурнымъ чертами и наклонностью къ воровству. „Въ день 21 апрѣля 1490 я началъ этотъ дневникъ и опять лошадь [2]). Джакомо поступилъ ко мнѣ въ день св. Магдалины тысяча 490 г., въ возрастѣ 10 лѣтъ (Замѣтка на поляхъ: воровать, лживъ, упрямъ, обжорливъ). На другой день я далъ ему сдѣлать двѣ рубахи, пару штановъ и жилетъ, и когда я отложилъ сбоку

[1]) По Мережковскому.

[2]) Или модель для конной статуи Франческо Сфорца.

деньги, чтобы заплатить за упомянутыя вещи, онъ укралъ деньги изъ кошелька, и никакъ нельзя было заставить его признаться, хотя я имѣлъ въ этомъ полную увѣренность. Замѣтка на поляхъ: 4 лиры...)". Такъ идетъ дальше описаніе проступковъ мальчика и заканчивается записью расходовъ: „Первый годъ: плащъ, лиры—2; 6 рубашекъ, лиры—4; 3 жилета, лиры—6; 4 п. чулокъ, лиры—7 и т. д." [1]).

Біографы Леонардо, которые меньше всего думали съ помощью этихъ маленькихъ слабостей и особенностей объяснить загадку душевной жизни своего героя дѣлаютъ къ этимъ страннымъ счетамъ замѣчаніе, которое отмѣчаетъ доброту и снисходительность учителя къ своимъ ученикамъ. Они забываютъ. что не само поведеніе Леонардо, а тотъ фактъ, что онъ намъ оставилъ свидѣтельства этого поведенія требуетъ объясненія. Такъ какъ нельзя въ немъ предположить желанія оставить намъ доказательства своего добродушія, то мы должны сдѣлать другое предположеніе, что иной мотивъ заставлялъ его дѣлать эти записи. Не легко отгадать этотъ мотивъ, и мы не сумѣли бы ни одного указать, еслибы другой счетъ, найденный среди бумагъ Леонардо, не бросалъ яркій свѣтъ на эти на рѣдкость

[1]) Полный текстъ у M. Herzfeld. т. ж. стр. XLV.

мелочныя записи расходовъ на одежду учениковъ и т. п. [1]).

Расходы на погребеніе Катарины. .	27	флор.
2 фунта воска	18	„
Катафалкъ	12	„
За перенесеніе и установку креста .	4	„
Людямъ, несшимъ тѣло . :	8	„
4 священникамъ и 4 клерикамъ. .	20	„
За колокольный звонъ	2	„
Могильщикамъ.	16	„
За разрѣшеніе чиновникамъ	1	„
Всего. .	108	флор.

Прежніе расходы:

Врачу	4	флор.
Сахаръ и свѣчи. .	12	„
	16	
Итого. .	124	флор.

[1]) Мережковскій т. ж.—Какъ на прискорбное доказательство ненадежности и безъ того скудныхъ свѣдѣній объ интимной жизни Леонардо я укажу на то, что тотъ же счетъ у Сольми содержитъ значительныя измѣненія. Наиболѣе вызываетъ недоумѣніе то обстоятельство, что флорины въ немъ замѣняются сольди. Нужно думать, что флорины въ этомъ счетѣ означаютъ не старые „золотые гульдены“, а позднѣе употреблявшіяся монеты, которыя равнялись $1^2/_3$ лиры или $33^1/_3$ сольди.— Сольми считаетъ Катарину прислугой, завѣдывавшей одно время хозяйствомъ Леонардо. Источникъ, изъ котораго почерпнуты эти счета, были для меня недоступны.

Писатель Мережковскій единственный человѣкъ, который намъ умѣлъ сказать, кто такая эта Катарина. Изъ двухъ другихъ замѣтокъ, онъ сдѣлалъ выводъ, что мать Леонардо, бѣдная крестьянка изъ Винчи, въ 1493 г. пріѣхала въ Миланъ, чтобы повидать своего сына, которому тогда уже было 41 г.; тамъ она заболѣла и перевезена Леонардо въ больницу, и когда она умерла, онъ ее похоронилъ съ такой почетной роскошью [1]).

Доказать справедливость этого толкованія романиста - психолога нельзя, но оно такъ правдоподобно съ внутренней стороны и такъ отвѣчаетъ тому, что мы вообще знаемъ о дѣятельности чувства Леонардо, что я не могу отказаться не считать его правильнымъ. Онъ сумѣлъ свои чувства подчинить изслѣдователю и удерживать свободное проявленіе ихъ; но и съ нимъ бывали случаи, когда подавленное требовало проявленія, и смерть когда то столь горячо любимой матери была именно такимъ случаемъ. Въ этомъ счетѣ расходовѣ по погребенію мы имѣемъ передъ собой до неузнаваемости замаскированную печаль о матери. Мы изумляемся, какъ могло произойти такое замаскированіе и съ точки зрѣнія нормальныхъ психическихъ явленій не

[1]) „Катарина прибыла 16 іюля 1493“.—„Джіованина—легендарная личность—справься у Катарины въ больницѣ“.

можемъ этого понять. Но съ точки зрѣнія анормальныхъ условій невроза, и въ особенности так. наз. *невроза навязчивыхъ состояній* намъ нѣчто подобное очень хорошо знакомо. Тамъ мы видимъ, что проявленіе чувствъ интенсивныхъ, но благодаря вытѣсненію сдѣлавшихся безсознательными, можетъ выражаться въ ничтожныхъ и даже нелѣпыхъ обрядностяхъ. Сопротивляющимъ силамъ настолько удается понизить проявленіе этихъ вытѣсненныхъ чувствъ, что можно было бы интенсивность послѣднихъ считать въ высшей степени ничтожной; но та повелительная навязчивость, съ которой пробиваются эти мелочныя формы проявленія, выдаетъ настоящую, коренящуюся въ безсознательномъ силу тѣхъ душевныхъ движеній, которыя сознаніе хотѣло бы скрыть. Только такая аналогія съ явленіями происходящимъ при неврозѣ навязчивыхъ состояній можетъ намъ объяснить значеніе счета расходовъ по погребенію матери. Въ безсознательномъ Леонардо былъ еще связанъ съ матерью чувствомъ, имѣвшимъ эротическую окраску; но сопротивленіе позднѣе наступившаго вытѣсненія этой дѣтской любви не позволило занести въ дневникъ другое болѣе достойное проявленіе памяти; но то компромиссъ, который получился въ результатѣ этого невротическаго конфликта, долженъ былъ проявиться, и такъ

получился этотъ списокъ расходовъ, непостижимый для потомства.

Не будетъ, кажется, смѣлостью взглядъ на значеніе списка расходовъ по погребенію перенести и на записи расходовъ на учениковъ. И здѣсь мы имѣли бы случай, гдѣ у Леонадро навязчиво нашли замаскированное выраженіе скудные остатки чувственныхъ ощущеній. Мать и ученики, портреты его собственной дѣтской красоты, могли быть его сексуальными объектами,— поскольку владѣющее его существомъ вытѣсненіе сексуальнаго допускаетъ такое обозначеніе,—и навязчивая потребность подробнѣйшимъ образомъ записывать сдѣланные на нихъ расходы, было бы страннымъ проявленіемъ этого рудиментарнаго конфликта. Такимъ образомъ получилось бы, что Леонардо дѣйствительно принадлежалъ къ тому гомосексуальному типу, психическое развитіе котораго мы могли раскрыть, и намъ сдѣлалась бы понятной гомосексуальная ситуація въ его фантазіи о коршунѣ, такъ какъ она говорила бы не что иное какъ то, что мы раньше высказали объ этомъ типѣ. Это слѣдуетъ такъ понимать: вслѣдствіе этого эротическаго отношенія къ матери я сдѣлался гомосексуальнымъ [1]).

Формы, въ которыхъ дерзаетъ проявиться у Лео-

IV.

Мы все еще не можемъ уйти отъ фантазіи Леонардо о коршунѣ. Въ словахъ, которыя слишкомъ ясно отвѣчаютъ описанію полового акта („и нѣсколько разъ своимъ хвостомъ ударилъ меня по губамъ“) Леонардо подчеркиваетъ интенсивность эротическихъ отношеній между матерью и ребенкомъ. Не трудно изъ этой связи активности матери (коршуна) съ подчеркиваніемъ губной зоны догадаться о содержаніи второго момента въ фантазіи. Мы можемъ это такъ перевести: мать покрывала мои губы безсчисленными страстными поцѣлуями. Фантазія составилась изъ воспоминаній о сосаніи груди и материнскихъ поцѣлуевъ.

Благодѣтельная природа даровала художнику способность выражать свои сокровеннѣйшія, отъ него самого скрытыя душевныя движенія въ произведеніяхъ, которыя захватываютъ другихъ, чужихъ художнику, причемъ эти люди сами не знаютъ, чѣмъ объяснить это дѣйствіе. Неужели, чтобы творчество Леонардо ничего не говорило о томъ, что его память сохранила, какъ сильнѣйшее впечатлѣніе

нардо вытѣсненное libido, обстоятельность и разсчетливость, относятся къ отличительнымъ чертамъ, вытекающимъ изъ анальной эротики. Ср. „Charkter und Analerotik“ S. Freud: Sammung kleiner Schriften, zweite Folge. 1909 г.

дѣтства? Это слѣдовало бы ожидать. Но когда подумаешь, какія глубокія превращенія претерпѣваетъ жизненное впечатлѣніе художника раньше, нежели оно вноситъ свою долю въ произведеніе искусства, то у Леонардо слѣдуетъ особенно сильно понизить требованіе точныхъ доказательствъ.

Кто думаетъ о картинахъ Леонардо, тотъ вспомнитъ объ удивительной, обольстительной и загадочной улыбкѣ, которой онъ околдовалъ уста своихъ женскихъ персонажей. Застывшая улыбка на растянутыхъ, приподнятыхъ губахъ; эта улыбка характерна для него и называлась преимущественно „леонардовской". Сильнѣе всего поражала и приводила въ недоумѣніе эта улыбка на странно прекрасномъ лицѣ флорентинки Монны Лизы Джіоконды. Эта улыбка требовала разъясненія и нашла самыя разнообразнѣйшія толкованія, изъ которыхъ ни одно не удовлетворяло.

„Вотъ уже четыре столѣтія, какъ Монна Лиза заставляетъ терять голову всѣхъ тѣхъ, кто говоритъ о ней, предварительно долго созерцавши ее." [1])

Муттеръ. [2]) „Что приковываетъ зрителя такъ именно демоническая обворожительность этой улыбки. Сотни поэтовъ и писателей писали

1) Gruyer по Seidlitz'y. L. d. U. V., B II., p. 280.
2) Исторія искусства.

объ этой женщинѣ, которая то какъ будто обольстительно намъ улыбается, то холодно и бездушно смотритъ въ пространство; и никто не разгадалъ ея улыбки, никто не проникъ въ ея мысли. Все, даже ландшафтъ полонъ таинственной сказочносчи и пронизанъ знойной чувственностью".

Многимъ критикамъ чувство подсказывало, что въ улыбкѣ Монны Лизы соединяются два различныхъ элемента. Поэтому они усматриваютъ въ игрѣ физіономіи прекрасной флорентинки совершеннѣйше изображеніе противоположностей, владѣющихъ любовью женщины: сдержанности и обольстительности, любви, полной преданности, и безпощадно требовательной чувственности, которая поглощаетъ мужчину, какъ нѣчто чуждое. Такъ Мюнцъ говоритъ [1]): „Извѣстно, какую непроницаемую и волнующую загадку не перестаетъ ставить вотъ уже скоро четыре столѣтія Монна Лиза Джіоконда передъ толпящимися передъ нею поклонниками. Никогда еще художникъ (пользуясь словами тонкаго критика, скрывающагося подъ псевдонимами Pierr'a de Corlay) не передалъ такъ сущности женщины: нѣжность и кокетство, стыдливость и скрытая страсть, вся тайна сдержаннаго сердца, мыслящаго ума, индивидуальности,

1) Т. же, стр. 417.

которая прячется и которая посылаетъ отъ себя только лучи...“

.....„Итальянецъ Анджело Конти [1]) видитъ картину въ Луврѣ, оживленную солнечными лучами. „La donna sorrideva in una calma regale: i suoi instinti di conquista, di ferocia, tutta l'eredità della specie, la volontà della seduzione e dell' agguato, la grazia del inganno, la bonta che cela un proposito crudele, tutto cio appariva alternativamente e scompariva dietro il velo ridente e si fondeva nel poema del suo sorriso..... Buuna e malvaggia, crudele e compassionevole, graziosa e felina, ella rideva.....“

Леонардо работалъ четыре года надъ этимъ портретомъ, вѣроятно съ 1503 до 1507 г., во время его вторичнаго пребыванія во Флоренціи, когда ему самому было за 50 лѣтъ. По сообщеніямъ Вазари Леонардо изыскивалъ всевозможнѣйшіе способы, чтобы разсѣять во время сеансовъ Монну Лизу и удержать на ея губахъ упомянутую улыбку. Всѣ тѣ тонкости, которыя передала на полотнѣ его кисть, картина въ настоящее время мало сохранила; въ первоначальномъ своемъ видѣ этотъ портретъ считался самымъ великимъ, что могло создать искусство; но несомнѣнно, что самого Леонардо онъ не удовлетворилъ,

1) A. Conti. Lenardo pittore, Conferenze fiorentine, т. ж. стр. 93.

что онъ его считалъ незавершеннымъ, не отдалъ его заказчику и увезъ съ собою во Францію, а тамъ онъ былъ пріобрѣтенъ для Лувра его покровителемъ Франциском I.

Оставимъ неразрѣшенной физіономическую загадку Монны Лизы и замѣтимъ только тотъ несомнѣнный фактъ, что ея улыбка околдовала художника не менѣе сильно. чѣмъ всѣхъ ея зрителей въ теченіе 400 лѣтъ. Эта обольстительная улыбка съ того времени возвращалась во всѣхъ его картинахъ и картинахъ его учениковъ. Такъ какъ Монна Лиза Леонардо—портретъ, то трудно допустить, чтобы художникъ придалъ лицу не свойственное ему выраженіе. Ничего другого, повидимому, не остается, какъ думать, что онъ нашелъ эту улыбку у своей модели и такъ подчинился ея чарамъ, что съ тѣхъ поръ надѣлялъ ею всѣ созданія своей фантазіи. Сходное съ этимъ мнѣніе мы находимъ, напр., у А. Константиновой. [1])

„За то долгое время, что художникъ работалъ надъ портретомъ Монны Лизы Джіоконды, онъ такъ страстно погрузился въ физіономическія тонкости этого женскаго лица что онъ эти черты, въ особенности эту полную загадочности улыбку и своеобразный взглядъ, перенесъ на всѣ лица, которыя онъ

1) Т. ж. стр. 45.

впослѣдствіи писалъ; мимическія особенности Джіоконды можно увидѣть даже въ лицѣ Іоанна Крестителя въ Луврѣ; но въ особенности онѣ ясно выступаютъ въ чертахъ Маріи на картинѣ „Св. Анна."

Но могло также быть и иначе. Потребность болѣе глубокаго обоснованія той притягательности улыбки Джіоконды, которая уже больше не оставляла художника, появлялась у многихъ изъ его біографовъ. W. Pater, который видитъ въ Моннѣ Лизѣ „воплощеніе всѣхъ любовныхъ переживаній культурнаго человѣчества" и который очень мѣтко говоритъ о „той непостижимой улыбкѣ, которая у Леонардо всегда какъ-будто связана съ чѣмъ-то зловѣщимъ", намѣчаетъ другой путь, когда онъ говоритъ: [1])

„Впрочемъ эта картина—портретъ. Мы можемъ прослѣдить, какъ она съ самаго дѣтства вплетается въ ткань его грезъ, такъ что не будь противъ такого предположенія явныхъ показаній, можно было бы думать, что она представляетъ найденный имъ въ концѣ концовъ и воплощенный идеалъ женщины..."

Нѣчто очень сходное имѣетъ, вѣроятно, въ виду и М. Герцфельдъ, когда она говоритъ, что въ Моннѣ Лизѣ Леонардо нашелъ самого себя, поэтому онъ сумѣлъ внести такъ много

1) W. Pater. Die Renaissance. пер. съ англійскаго, 2 изд. 1906 г., стр. 157.

своего собственнаго въ портретъ, черты котораго уже издавна въ загадочной симпатіи гнѣздились въ душѣ Леонардо [1]).

Попробуемъ раскрыть эти намеки. Итакъ могло быть, что Леонардо потому поработила улыбка Монны Лизы, что она пробудила въ немъ нѣчто такое, что уже съ давнихъ поръ дремало въ его душѣ, вѣроятно старое воспоминаніе. Это воспоминаніе имѣло достаточно силы, чтобы разъ проснувшись, уже не выпускать художника; онъ постоянно долженъ былъ давать ему новыя выраженія. Увѣреніе Pater'a что мы можемъ съ самаго дѣтства прослѣдить въ ткани грезъ художника лицо, сходное съ лицомъ Монны Лизы, кажется заслуживающимъ довѣрія и его стоитъ буквально понять.

Вазари упоминаетъ, какъ его первыя художественныя попытки „teste di femmine, che ridono“ [2]). Это мѣсто, не внушающее никакихъ подозрѣній, такъ какъ оно ничего не старается доказать, гласитъ такъ: [3]) „тѣмъ, что онъ въ юности сдѣлалъ изъ глины нѣсколько смѣющихся женскихъ головокъ, отлитыхъ затѣмъ въ большомъ числѣ изъ гипса, и нѣсколько дѣтскихъ и такъ прекрасно, какъ-

1) M. Herzfeld, L. d. V. стр. LXXXVIII.
2) У Scognamiglio, т. же, стр. 32.
3) L. Schorn, III. Bd. 1843, стр. 6.

будто бы это создала рука великаго мастера..." стр. 6.

Мы узнали, такимъ образомъ, что его упражненіе въ искусствѣ началось съ изображенія двухъ родовъ объектовъ, которые должны вызвать у насъ въ памяти тѣ два сексуальные объекта, которые мы нашли при анализѣ его фантазіи о коршунѣ. Если красивыя дѣтскія головки были воспроизведеніемъ его собственнаго дѣтскаго лица, то смѣющіяся женщины были не что иное, какъ повтореніемъ Катарины, эго матери, и у насъ является предчувствіе возможности, что его мать обладала той полной таинственности улыбкой, которую онъ утерялъ и которая его такъ приковала, когда онъ ее снова нашелъ въ лицѣ флорентинской дамы [1]).

Картина, которая по времени ближе всего стоитъ къ Моннѣ Лизѣ, это „св. Анна", св. Анна, съ Маріей и младенцемъ Христомъ. Она даетъ „леонардовскую улыбку" въ лицѣ обѣихъ женщинъ въ самомъ прекрасномъ проявленіи. Неизвѣстно, насколько раньше

---

[1]) То же самое предполагаетъ Д. Мережковскій, который, однако создалъ исторію дѣтства Леонардо въ существенныхъ чертахъ отличную отъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ мы пришли на основаніи анализа фантазіи о коршунѣ. Но если бы самъ Леонардо, имѣлъ эту улыбку, преданіе не преминуло бы указать на это совпаденіе.

или позже онъ приступилъ къ этой работѣ, чѣмъ къ портрету Монны Лизы. Такъ какъ обѣ работы длились годы, то нужно предполагать, что они одновременно занимали художника. Для нашего предположенія было бы всего выгоднѣе, еслибы именно углубленіе въ черты Монны Лизы дало Леонардо толчокъ къ созданію св. Анны. Если улыбка Джіоконды вызвала въ немъ воспоминаніе о матери, тогда мы понимаемъ, что его раньше всего влекло создать произведеніе, прославляющее материнство, и улыбку, найденную у знатной дамы, придать матери. Итакъ нужно нашъ интересъ съ портрета Монны Лизы перенести на другую картину, наврядъ ли менѣе прекрасную, находящуюся также въ Луврѣ.

Св. Анна съ дочерью и внукомъ рѣдко являлась темой итальянской живописи; во всякомъ случаѣ трактовка ея у Леонардо далеко отличается отъ всего извѣстнаго до него. Муттеръ говоритъ: [1])

„Нѣкоторые художники, какъ Гансъ Фрисъ, Гольбейнъ старшій и Джироламо да и Либри изображали Анну и Марію сидя, и между ними ставили ребенка. Другіе, какъ Якобъ Корнелисцъ въ своей берлинской картинѣ изображаютъ въ собственномъ смыслѣ слова „Heilige

[1]) Т. ж. стр. 309.

Anna selbdritt", т.-е. Анна держитъ на рукахъ маленькую фигурку Маріи, у которой сидитъ еще меньшая фигурка младенца Христа". У Леонардо Марія сидитъ на колѣняхъ своей матери, наклонившись впередъ и обѣими руками тянется ребенка, къ которыу играетъ съ ягненкомъ и немножко, видимо, обижаетъ его. Бабушка одну руку, непокрытую, держитъ на боку и съ блаженной улыбкой смотритъ на обоихъ. Группировка, конечно, не совсѣмъ свободная. Но улыбка на устахъ обѣихъ женщинъ, хотя несомнѣнно та же, что и на портретѣ Монны Лизы, но здѣсь она потеряла свой непріятный и загадочный характеръ: она выражаетъ задушевность и тихое блаженство [1]).

Погружаясь въ созерцаніе этой картины, зритель какъ бы внезапно прозрѣваетъ: только Леонардо могъ написать эту картину, равно какъ только онъ могъ создать фантазію о коршунѣ. Эта картина даетъ синтезъ его исторіи дѣтства; отдѣльныя детали ея объяснятся его индивидуальнѣйшими переживаніями. Въ домѣ своего отца онъ нашелъ не только добрую мачеху донну Альбіера, но

[1]) A. Konstantinowa, т. же. „Марія смотритъ съ горячей любовью на своего любимца, съ улыбкой, напоминающей загадочное выраженіе Джіоконды". И въ другомъ мѣстѣ про Марію: „Въ ея лицѣ порхаетъ улыбка Джіоконды".

и бабушку, мать своего отца, Монну Лючію, которая, нужно полагать, была съ нимъ не менѣе нѣжна, чѣмъ вообще бываютъ бабушки. Это обстоятельство могло привести его къ изображенію дѣтства, оберегаемаго матерью и бабушкой. Другая, бросающаяся въ глаза деталь картины получаетъ еще большее значеніе. Св. Анна, мать Маріи и бабушка ребенка, которая должна быть пожилой женщиной, на картинѣ можетъ быть немногимъ старше и серьезнѣе св. Маріи, но представляетъ, однако, молодую женщину съ неувядшей еще красотой. Леонардо въ дѣйствительности далъ ребенку двухъ матерей, одну—простирающую къ нему руки и другую—на заднемъ фонѣ, и обѣихъ надѣлилъ блаженной улыбкой материнскаго счастья. Эта особенность картины не преминула возбудить удивленіе писателей. Муттеръ, напр., полагаетъ, что Леонардо не могъ рѣшиться изображать старость, складки и морщины, а потому изобразилъ Анну сіяющей красотой женщиной. Но можно ли удовлетвориться этимъ объясненіемъ? Другіе нашли выходъ въ отрицаніи вообще „одинаковости возраста Матери и Дочери“ [1]). Но попытка Муттера объяснить эту деталь достаточно, я думаю, доказываетъ, что впечатлѣніе юности св. Ан-

[1]) Seidlitz, т. ж., т. II, стр. 274, примѣчанія.

ны получается отъ картины, а не привнесено тенденціей.

Дѣтство Леонардо было именно такимъ же страннымъ, какъ эта картина. Онъ имѣлъ двухъ матерей: первая, его настоящая мать, Катарина, отъ которой онъ былъ оторванъ въ возрастѣ между 3 и 5 годами, и вторая—молодая и нѣжная мачеха, жена его отца, донна Альбіера. Этотъ фактъ его дѣтства, связанный съ вышеупомянутыми и слившійся съ ними въ нѣчто единое, вылился въ композиціи „св. Анны". Материнская фигура, стоящая дальше отъ ребенка и называющаяся бабушкой, по своему виду и положенію на картинѣ по отношенію къ мальчику соотвѣтствуетъ настоящей матери, Катаринѣ. Блаженной улыбкой на лицѣ св. Анны художникъ хотѣлъ сгладить, прикрыть ту зависть, которую испытывала несчастная женщина по отношенію къ знатной соперницѣ, когда она должна была уступить ей сына, какъ раньше мужа.

Такимъ образомъ, анализируя другое произведеніе Леонардо, мы пришли къ подтвержденію предположенія, что улыбка Монны Лизы Джіоконды разбудила въ немъ воспоминаніе о матери его первыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Съ этихъ поръ Мадонны и знатныя синьоры итальянскихъ художниковъ имѣютъ покорно склоненыя головы и необыкновенно

блаженную улыбку бѣдной крестьянской дѣвушки, давшей міру сына, которому предопредѣлено было рисовать, изслѣдовать и терпѣть.

Если Леонардо удалось придать лицу Монны Лизы двойственное выраженіе, такъ какъ ея улыбка выражаетъ съ одной стороны безграничную нѣжность, съ другой—зловѣщую угрозу (по словамъ Pater'а), то онъ въ этомъ также остался вѣренъ содержанію своего ранняго воспоминанія. Нѣжность матери сдѣлалось его рокомъ, опредѣлила его судьбу и лишенія, которыя ждали его. Страстность ея ласкъ, на которую указываетъ фантазія о коршунѣ, была болѣе, чѣмъ естественна: бѣдная, покинутая мать должна была всѣ свои воспоминанія о минувшей любви и тоску по новой внести въ материнскую любовь. Она вынуждена была къ этому не только, чтобы себя вознаградить за отсутствіе мужа, но и ребенка, у котораго не было отца, который ласкалъ бы его. И по примѣру всѣхъ неудовлетворенныхъ матерей она ставитъ сына на мѣсто мужа и слишкомъ раннимъ пробужденіемъ его эротическихъ чувствъ похищаетъ часть его мужскихъ влеченій. Любовь матери къ младенцу, котораго она кормитъ своею грудью и котораго она выхаживаетъ, представляетъ нѣчто гораздо болѣе глубоко захватывающее, чѣмъ позднѣйшее

чувство къ подрастающему ребенку. Она по своему характеру принадлежитъ къ тѣмъ всецѣло удовлетворяющимъ любовнымъ связямъ, которыя отвѣчаютъ не только всѣмъ душевнымъ желаніямъ, но и всѣмъ физическимъ потребностямъ; и если эта любовь представляетъ одну изъ формъ достижимаго для человѣка счастья, то это не въ малой степени зависитъ отъ возможности удовлетворить безъ упрековъ давно вытѣсненныя желанія, которыя должны считаться извращеніемъ. Въ самомъ счастливомъ бракѣ отецъ чувствуетъ, что ребенокъ, въ особенности маленькій сынъ, сдѣлался его соперникомъ, и отсюда беретъ начало глубоко коренящаяся въ безсознательномъ враждебность къ пользующемуся первенствомъ.

Когда Леонардо уже въ зрѣломъ возрастѣ снова встрѣтилъ ту блаженно восторженную улыбку, которая когда-то играла на устахъ ласкавшей его матери, онъ давно находился подъ властью задерживающаго фактора, который не давалъ ему когда-либо желать снова такихъ же ласкъ отъ женскихъ устъ. Но онъ сдѣлался художникомъ, и старался кистью снова создать эту улыбку; онъ придалъ ее всѣмъ своимъ картинамъ, были ли онѣ писаны имъ самимъ или его учениками подъ его руководствомъ, Ледѣ, Іоанну и Вакху. Дѣ послѣднія картины являются видоиз-

мѣненіями одного и того же типа. Муттеръ говоритъ. „Изъ библейскаго аскета Леонардо сдѣлалъ Вакха, нѣчто вродѣ Аполона. который, заложивъ одну на другую свои женоподобныя ноги, смотритъ на насъ съ загадочной улыбкой на устахъ и съ чувственно-отуманивающимъ взглядомъ". Эти картины дышатъ мистикой, въ тайну которой не осмѣливаются проникнуть; самое большее можно попытаться присоединить ихъ къ прежнимъ произведеніямъ Леонардо. Эти фигуры снова представляютъ смѣсь женщины и мужчины, но уже не въ томъ смыслѣ, какъ въ фантазіи о коршунѣ: это красивые юноши, женственно-нѣжные съ женственными формами; они не опускаютъ глазъ долу, но смотрятъ загадочно-торжествующе, какъ-будто они знаютъ тайну большого счастья, о которомъ нужно молчать; знакомая обольстительная улыбка заставляетъ предполагать здѣсь любовную тайну. Возможно, что Леонардо въ этихъ образахъ скрылъ и искусно побѣдилъ несчастье своего ненормально развившагося чувства, передавъ въ столь блаженномъ сліяніи мужского и женскаго существа осуществленіе желанія, обманутаго матерью мальчика.

[1]) Ср. Freud „Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie", (Въ русскомъ переводѣ „Теорія полового влеченія, Прим. перев.)

V.

Среди записей занесенныхъ въ дневникъ Леонардо есть одна, привлекающая вниманіе читателя, благодаря ея важному содержанію и небольшой формальной ошибкѣ.

Въ іюлѣ 1504 г. онъ пишетъ:

„Adi 9 di Luglio 1504 mercoledi a ore 7 mor ser Piero da Vinci, notalio al palazzo del Potesta, mio padre, a ore 7. Era d'eta d'anni 80, lascio 10 figlioli maschi e 2 femmine[1])".

Замѣтка, такимъ образомъ, говоритъ о смерти отца Леонардо. Маленькая ошибка въ формѣ состоитъ въ томъ, что указаніе времени „a ore 7" (въ 7 часовъ) повторяется дважды, какъ-будто Леонардо въ концѣ предложенія забылъ, что онъ уже его указалъ въ началѣ. Это только мелочь, на которую другой, не психоаналитикъ, не обратилъ бы вниманія. Быть можетъ, онъ бы ее и не замѣтилъ, а еслибы обратили его вниманіе, онъ бы сказалъ: по разсѣянности или въ минуту аффекта, это можетъ со всякимъ случиться и не имѣетъ никакого значенія.

Психоаналитикъ думаетъ иначе; для него ничто не пустякъ, какъ проявленіе скрытаго

1) По Мюнцу, стр. 13. Прим.; „9-го іюля 1504 г. въ въ среду въ 7 часовъ утра умеръ синьоръ Пьеро да Вичи, нотаріусъ въ дворцѣ Подеста; мой отецъ въ 7 часовъ. Ему было 80 лѣтъ; онъ оставилъ 10 дѣтей мужскаго пола и 2 женскаго.

душевнаго процесса; онъ уже давно узналъ, что такое забываніе или повтореніе полно значенія и что нужно быть благодарнымъ „разсѣянности“, когда она выдаетъ вообще скрытыя ощущенія.

Мы скажемъ, что и эта замѣтка, какъ и счетъ по погребенію Катарины и списокъ расходовъ на учениковъ, представляетъ случай, гдѣ Леонардо не удалось подавленіе аффекта и долго скрытое потребовало замаскированнаго проявленія. И форма сходная, та же педантичная точность, та же тенденція къ цифрамъ[1]).

Мы называемъ такое повтореніе персевераціей. Она является прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ, указывающимъ на скрытый аффектъ. Вспоминаешь, напримѣръ, негодующую рѣчь св. Петра противъ своего замѣстителя на землѣ, у Данте[2]):

„Quegli ch'usurpa in terra il luogo mio
Il luogo mio, il luogo mio, che vaca
Nella presenza del Figliuol di Dio,
Fatto ha del cimiterio mio cloaca“.

[1]) Мы оставимъ въ сторонѣ другую, еще большую ошибку, допущенную Леонардо въ замѣткѣ объ отцѣ, которому было 77 лѣтъ, а не 80, какъ онъ записалъ.

[2]) Поруганъ на землѣ мой тронъ, мой тронъ,
Мой свѣтлый тронъ! Зане пустѣетъ праздно
Предъ очами Божья Сына онъ;
И гробъ мой сдѣлался клоакой грязной.
Божественная комедія Рай, перев. Н. Голованова).

Не будь у Леонардо задержанія аффекта, запись въ дневникѣ говорила бы приблизительно слѣдующее. „Сегодня въ 7 часовъ умеръ мой отецъ синьоръ Пьеро да Винчи, мой бѣдный отецъ!“ Но перенесеніе персевераціи на самое равнодушное сообщеніе о смерти, на часъ кончины отнимаетъ у замѣтки всякій паѳосъ и указываетъ, что здѣсь именно нужно было нѣчто скрыть и подавить.

Синьоръ Пьеро да Винчи, нотаріусъ и потомокъ семьи нотаріусовъ, былъ человѣкъ полный энергіи, что дало ему возможность добиться вліятельнаго положенія и благосостоянія. Онъ былъ четыре раза женатъ; первыя двѣ жены умерли, не оставивъ ему дѣтей, и только третья жена родила ему въ 1476 г. перваго законнаго сына, когда Леонардо было 24 года, и онъ давно уже ушелъ изъ отцовскаго дома, замѣнивъ его мастерской своего учителя Вероккіо. Отъ четвертой и послѣдней жены, на которой онъ женился въ возрастѣ 50 лѣтъ, онъ имѣлъ еще девять сыновей и двухъ дочерей[1]).

Несомнѣнно, что и этотъ отецъ имѣлъ значеніе для психосексуальнаго развитія Ле-

[1]) Повидимому, Леонардо въ упомянутой замѣткѣ ошибся и въ указаніи числа своихъ братьевъ и сестеръ, что странно противорѣчитъ кажущейся точности замѣтки.

онардо и не только отрицательное, вслѣдствіе его отсутствія въ первые годы дѣтства мальчика, но и непосредственное: своимъ присутствіемъ въ позднѣйшій періодъ дѣтства.

Кто ребенкомъ желаетъ мать, тотъ не можетъ не желать стать на мѣсто отца, не идентифицировать себя съ нимъ въ фантазіи и позднѣе не ставить себѣ жизненной цѣлью превосходство надъ нимъ. Когда Леонардо, еще не достигнувъ пятилѣтняго возраста, былъ взятъ въ домъ дѣдушки, молодая донна Альбіера заняла, вѣроятно, въ его чувствахъ мѣсто матери, и онъ очутился въ нормальномъ, какъ я сказалъ бы, положеніи соперника по отношенію къ отцу. Наклонность къ гомосексуальности, какъ извѣстно, наступаетъ только съ приближеніемъ періода половой зрѣлости. Когда послѣдняя наступила для Леонардо, идентифицированіе съ отцомъ потеряло для его сексуальной жизни всякое значеніе, и перешла на другія области, не эротическаго характера. Мы знаемъ, что онъ любилъ блескъ и красивыя одежды, имѣлъ слугъ и лошадей, хотя по словамъ Вазари „почти не имѣлъ состоянія и мало работалъ“; но мы не должны объяснять это пристрастіе только его чувству изящнаго, мы усматриваемъ въ этомъ и навязчивое стремленіе копировать отца и перещеголять его. Отецъ былъ передъ бѣдной крестьянской

дѣвушкой важнымъ бариномъ, поэтому и въ сынѣ осталась потребность играть роль важнаго барина, стремленіе „to aut-herod Herod“ показать отцу, какъ выглядитъ настоящая „знатность“.

Кто творитъ, какъ художникъ, тотъ чувствуетъ себя, конечно, какъ отецъ по отношенію къ своимъ произведеніямъ. Для художественныхъ произведеній Леонардо его идентифицированіе съ отцомъ имѣло роковое значеніе. Онъ создавалъ ихъ и больше не заботился о нихъ, какъ его отецъ не заботился о немъ. Позднѣйшія заботы отца ничего не могли измѣнить въ этой навязчивой потребности, такъ какъ она проистекаетъ изъ впечатлѣній перваго періода дѣтства, а вытѣсненное и оставшееся въ безсознательномъ не поддается исправленію путемъ позднѣйшихъ переживаній.

Въ періодъ Ренессанса, какъ и значительно позже еще, каждый художникъ нуждался въ высокомъ властелинѣ и покровителѣ, въ патронѣ, который давалъ ему заказы, въ чьихъ рукахъ находилась его судьба. Леонардо нашелъ себѣ патрона въ лицѣ честолюбиваго, любившаго пышность, дипломатически хитраго, но легкомысленнаго и непостояннаго *Людовико Сфорцо*, по прозванію *Моро*. При его дворѣ въ Миланѣ онъ провелъ самый блестящій періодъ своей жизни,

на службѣ у него онъ безпрепятственно развилъ всѣ свои творческія силы, о чемъ говорятъ его Тайная Вечеря и конная статуя Франческо Сфорцо. Онъ оставилъ Миланъ еще до того, какъ разразилась катастрофа надъ Людовико Моро, который умеръ плѣнникомъ во французской тюрьмѣ. Когда до Леонардо дошла вѣсть о судьбѣ его покровителя, онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Герцогъ потерялъ свою страну, имущество и свободу, и ни одно изъ предпринятыхъ имъ дѣлъ не было закончено“[1]).

Странно и, конечно, не лишено значенія, что онъ выдвигаетъ противъ своего патрона то же обвиненіе, которое потомство должно направить противъ него самого, какъ-будто онъ хотѣлъ сдѣлать отвѣтственнымъ за то, что онъ оставлялъ незаконченными свои произведенія, человѣка изъ разряда отцовъ. Въ дѣйствительности, онъ и не неправъ по отношенію къ герцогу.

Но если подражаніе отцу какъ художнику ему повредило, то протестъ противъ отца явился инфантильнымъ условіемъ его, быть можетъ, столь же великой дѣятельности въ области изслѣдованія. Онъ былъ похожъ, по прекрасному сравненію Мережковскаго, на человѣка слишкомъ рано проснув-

[1]) „Il duca perse lo stato e la roba e libertà e nessuna sua opera si fini per lui“—Seidlitz, т. же, II, 270.

шагося среди тьмы, когда всѣ другіе еще спятъ. Это онъ дерзнулъ высказать смѣлое положеніе, которое, вѣдь, заключаетъ въ себѣ не что иное, какъ признаніе всякаго свободнаго изслѣдованія: *Кто въ борьбѣ мнѣній ссылается на авторитетъ, тотъ работаетъ своей памятью вмѣсто того, чтобы работать своимъ умомъ*[1]). Такъ онъ сдѣлался первымъ изъ новыхъ изслѣдователей природы; первый со временъ Греціи опиравшійся только на наблюденіе и собственное сужденіе, и множество познаній и предвидѣній вознаградили его за мужество коснуться тайнъ природы. Но если онъ училъ презирать авторитеты, оставить подражаніе „старымъ“ и все вновь и вновь указывалъ на изученіе природы, какъ на источникъ истины, то онъ повторялъ только въ высшей, доступной человѣку формѣ сублимированія рѣшеніе, которое напрашивалось уже у маленькаго, удивленно глядѣвшаго на свѣтъ мальчика. Перенесенные обратно изъ научной абстракціи въ конкретный индивидуальный опытъ „старые“ и авторитетъ вѣдь соотвѣтствовали только отцу, а природа снова становилась нѣжной и доброй матерью, которая кормила его. Тогда какъ у большинства другихъ людей,—и теперь еще какъ въ первобытныя времена,—

[1]) „Chi disputa allegando l'autarità non adopra l'ingegno ma piuttosta la memoria“. Solmi, Conf. fior., 13.

существуетъ повелительная необходимость держаться какого-либо авторитета, такъ что имъ кажется, что міръ провалится, если этому авторитету грозила бы опасность, только одинъ Леонардо не нуждался въ этой опорѣ; онъ не сумѣлъ бы этого, не научись онъ въ первые годы дѣтства обходиться безъ отца. Смѣлость и независимость его позднѣйшихъ научныхъ изслѣдованій предполагаетъ незадержанное отцомъ инфантильное сексуальное изслѣдованіе, а дальнѣйшее развитіе ихъ—отвращеніе къ сексуальному.

Если кто либо, какъ Леонардо, избѣгъ въ дѣтствѣ застращиваній отца и движимый любознательностью отбросилъ оковы авторитета, было бы вопіющимъ противорѣчіемъ встрѣтить впослѣдствіи въ томъ же человѣкѣ вѣрующаго, не сумѣвшаго отдѣлаться отъ догматической религіи. Психоанализъ научилъ насъ видѣть тѣсную связь между комплексомъ, связаннымъ съ отцомъ, и вѣрой въ Бога; онъ показалъ намъ, что личный Богъ психологически не что иное, какъ превознесенный отецъ, и ежедневными примѣрами подтверждаетъ намъ, что какъ только въ глазахъ молодежи рушится авторитетъ отца, такъ она теряетъ свои религіозныя вѣрованія. Такимъ образомъ, въ комплексѣ, связанномъ съ родителями, мы усматриваемъ ко-

рень религіозныхъ потребностей; всемогущій, праведный Богъ и благодѣтельная природа кажутся намъ величественнымъ сублимированіемъ отца и матери, еще больше, возобновленіемъ и возстановленіемъ раннихъ дѣтскихъ представленій объ обоихъ.

Біологически религіозность беретъ начало въ долго длящейся безпомощности и потребности въ опорѣ маленькаго человѣка; позднѣе, узнавши свою дѣйствительную безпомощность и слабость передъ великими силами жизни, онъ находитъ свое положеніе аналогичнымъ съ тѣмъ, что было въ дѣтствѣ и старается безотрадность его скрыть при помощи регрессивнаго возобновленія инфантильныхъ покровительственныхъ силъ.

Примѣръ Леонардо, кажется, не можетъ поколебать правильности этого воззрѣнія на религіозныя вѣрованія. Обвиненіе его въ невѣріи или, что по тому времени было одно и то же, въ отпаденіи отъ христіанства началось уже при его жизни и опредѣленно выступило въ первой его біографіи, написанной *Вазари*.

Во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1568 г., *Вазари* выпустилъ эти мѣста. Для насъ вполнѣ понятно, если Леонардо, имѣя въ виду необыкновенную чувствительность своей эпохи къ религіознымъ вопросамъ, воздержался въ своихъ запискахъ отъ непосредствен-

СВ. АННА.

наго выраженія своего отношенія къ христіанству. Какъ изслѣдователя его нисколько не смущали сообщаемыя св. писаніемъ свѣдѣнія о сотвореніи міра; онъ оспаривалъ, напр., возможность всемірнаго потопа и также увѣренно, какъ и современные ученые, считалъ въ геологіи тысячелѣтіями.

Среди его „Пророчествъ“ встрѣчаются такія, которыя должны были оскорблять чувство вѣрующаго христіанина, напр. [1]), объ обращеніи за помощью къ изображеніямъ святыхъ.

„Люди будутъ говорить съ людьми, которые ничего не слышатъ, которые имѣютъ открытые глаза и ничего не видятъ; они будутъ съ ними говорить и не получатъ отвѣта; они будутъ испрашивать милости у того, у котораго есть уши, которыя не слышатъ; они будутъ жечь свѣчи передъ тѣмъ, кто слѣпъ“.

Или о плачѣ въ Страстную пятницу (стр. 297):

„Во всѣхъ концахъ Европы многочисленное населеніе оплакиваетъ смерть одного единственнаго Человѣка, умершаго на Востокѣ“.

О Леонардо говорили, что въ его изображеніи святые потеряли послѣдній остатокъ

[1]) Müntz, т. же. La religion de Léonard, стр. 292 и д.
[2]) M. Herzfeld, стр. 292.

церковной искусственности; онъ ихъ сдѣлалъ обыкновенными людьми, чтобы изобразить въ нихъ великія и прекрасныя человѣческія чувства. Муттеръ прославляетъ его за побѣду надъ декадансомъ, за то, что онъ снова вернулъ человѣку право на любовь и радостное наслажденіе жизнью. Въ запискахъ, которыя обнаруживаютъ углубленіе Леонардо въ разрѣшеніе великихъ загадокъ природы, нѣтъ недостатка въ выраженіи восхищенія передъ Творцомъ, послѣдней причиной всѣхъ этихъ чудесныхъ тайнъ, но ничто не указываетъ на желаніе сохранить личное отношеніе къ этой могущественной силѣ. Афоризмы, въ которые онъ вложилъ глубокую мудрость послѣднихъ лѣтъ своей жизни, дышатъ смиреніемъ человѣка, который подчиняется Ανάγκη, законамъ природы и не ждетъ отъ благости и милости Бога никакого облегченія. Навряд ли можно сомнѣваться, что Леонардо побѣдилъ какъ догматическую, такъ и личную религію и, благодаря своимъ научнымъ изысканіямъ, далеко отошелъ отъ міровоззрѣнія вѣрующаго христіанина.

Изъ прежде упомянутыхъ нами взглядовъ на развитіе душевной жизни ребенка, намъ легко допустить, что и Леонардо въ дѣтскомъ возрастѣ направилъ свою любознательность на проблемы сексуальности. Но онъ намъ самъ на это прозрачно указываетъ, связывая

свое стремленіе къ познанію съ фантазіей о коршунѣ и выставляя занятіе проблемой полета птицъ, какъ одно изъ тѣхъ, которое выпало на его долю вслѣдствіе предопредѣленія судьбы. Одно очень темное, звучащее, какъ пророчество, мѣсто въ его запискахъ, трактующее о полетѣ птицъ, прекрасно свидѣтельствуетъ о томъ аффектѣ, съ которымъ у него связано желаніе самому научиться искусству летанія. „Она совершитъ, эта большая птица, свой первый полетъ съ вершины Большого Лебедя, она ошеломитъ міръ, наполнитъ хвалой всѣ писанія, и вѣчная слава будетъ тому гнѣзду, гдѣ она родилась“ [1]). Онъ надѣялся, вѣроятно, самъ когда-нибудь научиться летать, а изъ осуществляющихъ желаніе сновъ человѣка мы знаемъ, какого блаженства ждутъ отъ осуществленія этой надежды.

Но почему столько людей видятъ во снѣ, что они умѣютъ летать? На это психоанализъ отвѣчаетъ: потому, что умѣніе летать или превращеніе въ птицу есть только замаскированное другое желаніе, къ познанію котораго ведетъ много словесныхъ и вещественныхъ мостовъ. Если любознательнымъ дѣтямъ говорятъ, что большая птица аистъ приноситъ маленькихъ дѣтей, если древніе изобра-

1) По M. Herzfeld, L. d. V стр. 32. „Большой Лебедь“—вершина Monte Cerero, близъ Флоренціи.

жали фаллосъ крылатымъ, если на нѣмецкомъ языкѣ употребительнѣйшее обозначеніе половой дѣятельности мужчины „Vögeln“, а у итальянцевъ половой органъ мужчины называется прямо „l'uccello“ (птица), то все это является только маленькими звеньями большой цѣпи, которая намъ говоритъ, что желаніе умѣть летать во снѣ обозначаетъ не что иное, какъ страстное желаніе быть способнымъ къ половой дѣятельности. Это есть раннее инфантильное желаніе. Когда взрослый припоминаетъ свое дѣтство, оно рисуется ему счастливымъ періодомъ, когда радуешься настоящему мгновенію и беззаботно идешь навстрѣчу будущему; поэтому взрослый завидуетъ дѣтямъ. Но еслибы дѣти сами могли о себѣ поразсказать, они дали бы, вѣроятно другія свѣдѣнія. Дѣтство, повидимому, не та блаженная идиллія, которой она намъ кажется заднимъ числомъ; что дѣтей во все время періода дѣтства подстегиваетъ одно желаніе: быть взрослыми и дѣлать то же, что послѣдніе. Это желаніе управляетъ всѣми ихъ играми. Когда въ періодъ своего сексуальнаго изслѣдованія дѣти чувствуютъ, что взрослый что-то большое знаетъ въ этой загадочной и столь важной области, знаетъ то, что ему, ребенку, недоступно знать и дѣлать, въ немъ подымается неотступное желаніе знать то же самое, и ему снится это

въ видѣ умѣнія летать, или же онъ подготовляетъ эту замаскированную форму для будущихъ такихъ сновъ. Такимъ образомъ и авіація, достигшая наконецъ въ настоящее время своей цѣли, имѣетъ инфантильное эротическое происхожденіе.

Когда Леонардо признается намъ, что онъ еще съ дѣтства чувствовалъ особое личное тяготѣніе къ проблемѣ летанія, онъ подтверждаетъ намъ, что его дѣтская любознательность была направлена на сексуальное, какъ мы это и должны были предположить на основаніи нашихъ изслѣдованій современныхъ дѣтей. Эта единственная проблема, по крайней мѣрѣ, избѣгла вытѣсненія, которое впослѣдствіи сдѣлало его чуждымъ сексуальному; съ дѣтства и до періода полнѣйшаго расцвѣта его интеллектуальныхъ силъ онъ сохранилъ къ ней тотъ же интересъ, только слегка измѣнивъ ея смыслъ; и очень возможно, что это желанное искусство удалось ему такъ же мало въ первичномъ сексуальномъ смыслѣ, какъ и въ механическомъ, что оба остались для него недоступными.

Взрослый Леонардо вообще остался во многихъ отношеніяхъ ребенкомъ. Говорятъ, что всѣ великіе люди сохраняютъ въ себѣ нѣчто дѣтское. Леонардо и взрослымъ любилъ забавляться и вслѣдствіе этого казался иногда своимъ современникамъ непріятнымъ и непонятнымъ.

Когда мы видимъ, какъ онъ занимался приготовленіемъ искусныхъ механическихъ игрушекъ для придворныхъ празднествъ и торжественныхъ пріемовъ, то мы этимъ только недовольны, жалѣя, что художникъ растрачивалъ силы на такой вздоръ; но онъ самъ, повидимому, отдавался этому не неохотно, такъ какъ Вазари сообщаетъ, что онъ занимался этимъ и тогда, когда никто его не вынуждалъ. „Тамъ (въ Римѣ) онъ приготовлялъ массу изъ воска, и когда она дѣлалась мягкой онъ лѣпилъ изъ нея нѣжныхъ звѣрьковъ, наполняя ихъ воздухомъ; когда онъ вдувалъ въ нихъ воздухъ, они летали, когда воздухъ выходилъ, они падали на землю. Рѣдкой ящерицѣ, найденной садовникомъ Бельведера, онъ придѣлалъ крылья изъ кожи, снятой съ другой ящерицы, наполнилъ ихъ ртутью, такъ что при движеніи ящерицы они двигались и дрожали; затѣмъ онъ ей сдѣлалъ глаза, бороду и рога, приручитъ ее, посадилъ въ коробку и приводилъ этимъ въ ужасъ всѣхъ своихъ друзей“ [1]). Часто такія затѣи служили для выраженія трудныхъ по содержанію идей. „Иногда онъ давалъ вычистить бараньи кишки до такой чистоты, что ихъ можно было бы взять голой рукой, тогда онъ вносилъ ихъ въ большую комнату, въ сосѣднее съ послѣд-

[1]) Vazari, переводъ Schorn'a. 1843.

нимъ помѣщеніе онъ приносилъ кузнечные мѣхи, привязывалъ къ нимъ кишки и надувалъ ихъ такъ, что онѣ заполняли всю комнату и приходилось убѣгать въ уголъ; такъ онъ показывалъ, какъ кишки постепенно наполнялись воздухомъ и становились прозрачными и въ то время, какъ вначалѣ онѣ занимали мало мѣста, потомъ онѣ захватывали все больше и больше пространства, и Леонардо сравнивалъ ихъ съ геніемъ“ [1]). То же забавное удовольствіе въ невинномъ скрываніи и искусномъ замаскировываніи представляютъ его басни и загадки, послѣднія въ формѣ „Пророчествъ“ [1]), всѣ почти богатыя по содержанію и на диво лишенныя остроумія.

Игра и прыжки, которые Леонардо разрѣшалъ своей фантазіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вводили въ досадное заблужденіе его біографовъ, не понявшихъ этого характера. Въ миланскихъ манускриптахъ находятся, напр., наброски писемъ къ „сирійскому намѣстнику, штатгалтеру святѣйшаго султана Вавилоніи“, въ которыхъ Леонардо рекомендуетъ себя, какъ инженера, посланнаго въ эту часть Востока для выполненія извѣстныхъ работъ, защищается противъ упрековъ въ бездѣятельности, доставляетъ географическія описанія городовъ и горъ и, наконецъ, опи-

[1]) Тамъ же, стр. 39.

сываетъ крупное стихійное явленіе, случившееся тамъ во время его пребыванія [1]).

Рихтеръ въ 1881 г. на основаніи этихъ отрывковъ старался доказать, что Леонардо дѣйствительно на службѣ у египетскаго султана сдѣлалъ эти географическія наблюденія и даже самъ перешелъ на Востокѣ въ магометанство. Это пребываніе должно относиться ко времени до 1483 г., такимъ образомъ до его переѣзда въ Миланъ ко двору герцога. Но другимъ писателямъ не трудно было увидѣть въ свидѣтельствахъ мнимой поѣздки на Востокъ то, чѣмъ они были въ дѣйствительности, а именно продукты фантазіи молодого художника, которые онъ создавалъ для собственнаго развлеченія, въ которыхъ онъ, можетъ быть, проявилъ свое желаніе посмотрѣть міръ и испытать приключенія.

Является, вѣроятно, фантазіей и „Academia Vinciana“, допущеніе которой основывается на наличности пяти или шести въ высшей степени искусно запутанныхъ эмблемъ съ надписью академіи. *Вазари* упоминаетъ объ этихъ рисункахъ, но не объ академіи [2]) Müntz, ко-

[1]) Объ этихъ письмахъ и связанныхъ съ ними предположеніяхъ смотри: Müntz, стр. 82 и д.; текстъ послѣднихъ и другихъ примыкающихъ къ нимъ замѣтокъ у M. Herzfeld, тамъ же стр. 223 и д.

[2]) Кромѣ того, онъ потерялъ нѣкоторое время, рисуя даже веревочное сплетеніе, гдѣ можно было прослѣдить

торый украсилъ такими орнаментомъ обложку своего большого произведенія о Леонардо, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые вѣрятъ въ реальность „Academia Vinciana“.

Нужно полагать, что это стремленіе забавляться въ зрѣлые годы исчезло у Леонардо, что и оно потонуло въ научной дѣятельности, которая представляла послѣднее и высшее проявленіе его личности. Но его долгое сохраненіе должно намъ показать, какъ медленно освобождается отъ своего дѣтства тотъ, кто наслаждался этотъ періодъ жизни высшимъ, никогда потомъ уже не достигнутымъ, эротическимъ блаженствомъ.

VI.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что читатели въ настоящее время находятъ всякую обработку матеріала съ патологической точки зрѣнія безвкусной, отвергаютъ ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что при подобномъ отношеніи къ великому человѣку никогда нельзя постигнуть его значеніе и дѣятельность; поэтому напрасная затѣя изучать въ немъ

нить отъ одного конца до другого, пока она не образовывала полной окружности; очень трудный и красивый рисунокъ въ этомъ родѣ имѣется на мѣди; въ срединѣ можно прочитать слова: „Leonardus Vinci Academia“ (стр. 8).

то, что можно съ такимъ же успѣхомъ найти у перваго встрѣчнаго. Но эта критика такъ явно несправедлива, что ее можно только понять, какъ отговорку и лицемѣріе. Патографія вообще не ставитъ себѣ цѣлью сдѣлать понятной дѣятельность великаго человѣка, но нельзя же никому ставить въ упрекъ, что онъ не сдѣлалъ того, чего онъ не обѣщалъ. Настоящіе мотивы этого неудовольствія совсѣмъ другіе. Ихъ можно вскрыть, если принять во вниманіе, что между біографами и ихъ героями существуетъ особая, своеобразная связь. Часто они дѣлаютъ кого-либо объектомъ своего изслѣдованія только потому, что по своимъ личнымъ чувствамъ они уже заранѣе испытываютъ къ нему особое тяготѣніе. Тогда они отдаются идеализаціи, которая стремится занести великаго человѣка въ разрядъ ихъ инфантильныхъ образцовъ, приблизительно оживить дѣтское представленіе объ отцѣ. Въ угоду этому желанію они уничтожаютъ въ немъ всѣ индивидуальныя черты, сглаживаютъ всѣ слѣды его жизненной борьбы съ внѣшними и внутренними препятствіями, не хотятъ допустить въ немъ никакихъ остатковъ человѣческой слабости или несовершенства, и тогда дѣйствительно даютъ намъ холодный, чуждый идеальный образъ вмѣсто человѣка, съ которымъ мы могли бы, несмотря на растоя-

ніе, чувствовать родство. Жаль, что они такъ поступаютъ, такъ какъ этимъ правда приносится въ жертву иллюзіи, въ угоду своимъ инфальтильнымъ фантазіямъ они отказываются отъ возможности проникнуть въ чудеснѣйшія тайны человѣческой природы. [1])

Самъ Леонардо, при своей любви къ истинѣ и стремленіи къ познанію, не отклонилъ бы попытки раскрыть при помощи мелкихъ особенностей и загадокъ его личности условія его душевнаго и интеллектуальнаго развитія. Изучая его, мы поклоняемся ему. Его геній не терпитъ ущерба отъ того, что мы изучаемъ жертву, потребованную его развитіемъ изъ ребенка во взрослаго, и указываемъ тѣ моменты, которые придали его личности трагическую черту неудачливости.

Мы категорически заявляемъ, что мы никогда не причисляли Леонардо къ невротикамъ или „нервнобольнымъ“, какъ гласитъ это неудачное слово. Кто жалуется на то, что мы вообще дерзаемъ примѣнить къ нему точку зрѣнія, вынесенную изъ патологіи, тотъ держится предразсудковъ, отъ которыхъ мы съ полнымъ правомъ отказались. Мы не думаемъ теперь, что здоровье и болѣзнь, нормальное и нервное рѣзко отграничены другъ

---

[1]) Эти соображенія имѣютъ общій характеръ и не относятся только къ біографіи Леонардо.

отъ друга, что черты нервности должны приниматься за признакъ общаго несовершенства. Въ настоящее время мы знаемъ, что нервные симптомы являются замѣстителями извѣстныхъ вытѣсненныхъ дѣйствій, которыя мы должны совершить въ періодъ развитія отъ ребенка до взрослаго культурнаго человѣка; мы всѣ иродуцируемъ подобные замѣстители, и только число, интенсивность и распредѣленіе этихъ замѣстителей даютъ право на практическое понятіе болѣзни и на выводъ объ органическомъ несовершенствѣ. По небольшимъ признакамъ въ личности Леонардо мы должны его приблизить къ тѣмъ невротическимъ типамъ, которыхъ мы опредѣляемъ какъ „типы навязчивости“, его стремленіе къ изслѣдованіямъ мы должны приравнить къ „навязчивому копанію“ невротиковъ, его задержи къ такъ наз. абуліи послѣднихъ.

Цѣль нашей работы объяснить задержки Леонардо въ сексуальной жизни и въ художественной дѣятельности. Для этой цѣли мы вправѣ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что мы могли открыть въ протеканіи процесса его психическаго развитія.

Проникнуть въ его наслѣдственныя условія для насъ невозможно, но зато мы видимъ, что случайныя обстоятельства его дѣтства

оказали глубоко проникающее вредное вліяніе. Его незаконное происхожденіе лишаетъ его, быть можетъ, до пятилѣтняго возраста вліянія отца и оставляетъ его на попеченіи матери, для которой онъ является единственнымъ утѣшеніемъ. Вызванная ея страстными ласками преждевременная половая зрѣлость должна была вести за собой вступленіе въ фазу инфантильной половой дѣятельности, о которой съ достовѣрностью свидѣтельствуетъ одно единственное проявленіе: интенсивность его дѣтскаго сексуальнаго изслѣдованія. Стремленіе смотрѣть (Schautrieb) и знать (Wisstrieb), благодаря его раннимъ дѣтскимъ переживаніямъ, достигаютъ сильнѣйшей степени; эрогенная губная зона пріобрѣгаетъ значеніе, съ которымъ она больше не разстается. На основаніи позднѣе проявившагося противоположнаго поведенія—чрезмѣрное состраданіе къ животнымъ—можно сдѣлать выводъ, что въ этомъ періодѣ дѣтства не было недостатка и въ сильныхъ чертахъ садизма.

Энергичное вытѣсненіе кладетъ конецъ этому преждевременному пробужденію пола и устанавливаетъ предрасположенія, которыя проявятся въ періодъ половой зрѣлости. Самымъ рѣзко бросающимся въ глаза результатомъ этого превращенія будетъ отвращеніе ко всему грубочувственному; Леонардо смо-

жетъ жить абстинентомъ, производя впечатлѣніе асексуальнаго человѣка. Но потоки возбужденія, набѣгающіе на юношу въ періодъ половой зрѣлости, не вызовутъ у него болѣзни, вынудивъ его прибѣгнуть къ дорого стоющимъ и вреднымъ замѣстителямъ; большая доля полового инстинкта, благодаря преждевременному выявленію сексуальной любознательности, сублимируется въ стремленіе къ познанію вообще и избѣжитъ, такимъ образомъ, вытѣсненія. Далеко менѣе значительная часть libido будетъ обращена на сексуальныя цѣли и будетъ являть слабую сексуальную жизнь взрослаго Леонардо. Вслѣдствіе вытѣсненія въ безсонательное любви къ матери эта послѣдняя часть претерпитъ гомосексуальное превращенніе и дастъ себя знать въ формѣ идеальной любви къ мальчикамъ. Въ безсознательномъ остается фиксація на матери и на блаженныхъ воспоминаніяхъ о связи съ ней; но сейчасъ она пребываетъ въ безактивномъ состояніи. Такъ между вытѣсненіемъ, фиксаціей и сублимированіемъ распредѣляются тѣ моменты, которые внесло половое влеченіе въ душевную жизнь Леонардо.

Изъ темнаго дѣтства Леонардо вынырнулъ передъ нами художникомъ, живописцемъ и скульпторомъ, благодаря специфическому дарованію, которое было усилено преждевре-

менно пробудившимся въ дѣтскіе годы влеченіемъ къ смотрѣнію (Schautrieb). Мы бы охотно показали, какимъ образомъ художественная дѣятельность проистекаетъ изъ первоначальныхъ душевныхъ влеченій, еслибы именно здѣсь не отказывали намъ наши средства. Мы ограничимся указаніемъ на тотъ едва ли подвергающійся сомнѣнію фактъ, что творчество художника даетъ также выходъ его сексуальнымъ желаніямъ. Что касается въ частности Леонардо, то мы укажемъ на сообщеніе *Вазари*, что первые художественные опыты его представляли преимущественно головки смѣющихся женщинъ и красивыхъ мальчиковъ, т. е. изображали его первые сексуальные объекты. Въ періодъ расцвѣтающей юности Леонардо, повидимому, вначалѣ работаетъ свободно, безъ колебаній. Какъ во внѣшнемъ поведеніи онъ беретъ себѣ за образецъ отца, такъ онъ переживаетъ и въ Миланѣ, гдѣ по волѣ судьбы онъ въ герцогѣ Людовико Моро находитъ возмѣщеніе отца, періодъ мужской творческой силы и художественной продуктивности. Но вскорѣ на немъ оправдывается наблюденіе, что почти полное подавленіе реальной сексуальной жизни не представляетъ наиболѣе благопріятныхъ условій для проявленія сублимированныхъ сексуальныхъ стремленій: въ этомъ проявленіи отражается ре-

альная половая жизнь; начинаетъ ослабѣвать активность и способность къ быстрому рѣшенію. Склонность къ колебаніямъ и затяжкамъ уже замѣтно вредно отражается на Тайной Вечери и благодаря техническимъ условіямъ окончательно рѣшаетъ судьбу этого великаго произведенія. И медленно совершается въ немъ процессъ, который можно только сравнить съ регрессіями у невротиковъ. Художественный талантъ, развившійся въ юные годы, оттѣсняется въ немъ научнымъ дарованіемъ, получившимъ толчокъ въ раннемъ дѣтствѣ; вторичное сублимированіе его эротическихъ влеченій отступаетъ назадъ передъ первоначальнымъ, получившимся при первомъ вытѣсненіи. Онъ становится изслѣдователемъ сначала еще въ интересахъ своего искусства, а затѣмъ независимо отъ послѣдняго и удаляясь отъ него. Съ потерей покровителя, возмѣщающаго отца, и съ увеличивающимся омраченіемъ жизни это регрессивное замѣщеніе становится все большимъ. Онъ дѣлается „impacientissimo dal pennello“ какъ пишутъ о немъ маркграфинѣ Изабеллѣ д'Эсте, которая во что бы то ни стало хотѣла имѣть еще одну картину, написанную его рукой. [1]) Его дѣтство получило надъ нимъ силу. Но изслѣдованія, замѣнившія ему те-

[1]) Seideitz. II стр. 271.

перь художественное творчество, носятъ въ себѣ, повидимому, нѣкоторыя черты, отражающія дѣятельность безсознательныхъ влеченій: ненасытность, непоколебимое упорство, отсутствіе способности примѣняться къ реальнымъ обстоятельствамъ.

Въ пожиломъ возрастѣ, за пятьдесятъ лѣтъ въ тотъ періодъ, когда у женщины половая жизнь уже замираетъ, а у мужчины libido нерѣдко дѣлаетъ еще одинъ энергичный напоръ, съ Леонардо происходитъ новое превращеніе. Опять дѣлаются активными еще болѣе глубокіе слои его психики, но эта дальнѣйшая регрессія служитъ на пользу его искусству, находившемуся въ упадкѣ. Онъ встрѣчаетъ женщину, которая будитъ въ немъ воспоминаніе о счастливой и чувственно восторженной улыбкѣ матери, и подъ вліяніемъ этого пробужденія онъ снова чувствуетъ въ себѣ тотъ стимулъ, который толкалъ его къ первымъ художественнымъ опытамъ, къ изображенію смѣющихся женщинъ. Онъ пишетъ Монну Лизу, св. Анну и рядъ другихъ таинственныхъ характеризующихся загадочной улыбкой картинъ. При помощи своихъ наипервичнѣйшихъ эротическихъ движеній онъ празднуетъ торжество еще одной побѣды надъ факторомъ, ставившимъ препятствія его искусству. Эта послѣдняя стадія развитія тонетъ для насъ во мракѣ

надвигающейся старости. Его интеллектъ еще до этого поднялся въ его величайшихъ трудахъ до міровоззрѣнія далеко оставившаго позади себя свое время.

Въ предыдущемъ я старался указать, что можетъ дать право на такое изображеніе хода развитія Леонардо, на такое расчлененіе его жизни и на такое объясненіе его шатанія между искусствомъ и наукой. Если эти выводы заставятъ даже друзей и знатоковъ психоанализа вынести приговоръ, что я написалъ только психоаналитическій романъ, то я долженъ на это отвѣтить, что я самъ, конечно, не переоцѣниваю несомнѣнности этихъ выводовъ. Я самъ поддался обаянію, исходящему отъ этого великаго и загадочнаго человѣка, въ которомъ чувствуютъ могучія страсти, имѣвшія, однако, возможность только такъ странно слабо проявиться.

Чѣмъ бы ни была правда о жизни Леонардо, мы можемъ отказаться отъ попытки понять ее при помощи психоанализа не раньше, чѣмъ мы разрѣшимъ другую задачу. Дабы не каждый неразрѣшенный вопросъ не разсматривался, какъ неудача, мы должны въ общихъ чертахъ отмѣтить границы, которыя поставлены въ области біографіи работѣ психоанализа. Въ распоряженіи психоаналитическаго изслѣдованія въ качествѣ матеріала имѣются данныя біографіи, съ одной

стороны случайности окружающаго и вліяніе среды, съ двугой—свѣдѣнія о реакціи индивидуума. Опираясь на свое знаніе психическаго механизма, это изслѣдованіе старается изъ способа реагированія динамически понять сущность индивидуума, вскрыть какъ его первоначальныя душевныя силы, такъ и ихъ позднѣйшія превращенія и развитіе. Если это удается, тогда жизненное поведеніе личности объясняется взаимодѣйствіемъ организаціи и „судьбы", внутреннихъ и внѣшнихъ силъ. Если такая задача не приведетъ къ несомнѣнно правильнымъ выводамъ, какъ быть можетъ въ случаѣ съ Леонардо, тогда вина лежитъ не на ошибочномъ и несовершенномъ методѣ психоанализа, а на недостаточно надежномъ и скудномъ матеріалѣ, который дается для данной личности источниками. Такимъ образомъ за неудачу слѣдуетъ дѣлать отвѣтственнымъ только автора, вынудившаго психоанализъ къ выводу на основаніи столь недостаточнаго матеріала.

Но обладая даже обширнѣйшимъ историческимъ матеріаломъ и надежнѣйшимъ знаніемъ психическихъ механизмовъ, психоаналитическое изслѣдованіе въ двухъ важныхъ пунктахъ не могло бы доказать ихъ необходимости, что индивидуумъ могъ только сдѣлаться такимъ, а не инымъ. По отношенію къ Леонардо мы должны были держаться

взгляда, что случайность его незаконнаго рожденія и чрезмѣрная любовь къ матери оказали самое рѣшительное вліяніе на развитіе его характера и на позднѣйшую судьбу именно тѣмъ, что наступившее послѣ этой фазы дѣтства вытѣсненіе сексуальннаго вызвало сублимированіе libido въ стремленіе къ знанію и установило на всю послѣдующую жизнь его сексуальную безактивность. Но этотъ актъ вытѣсненія послѣ перваго эротическаго удовлетворенія въ дѣтствѣ не долженъ былъ съ необходимостью наступить; у другого индивидуума онъ, можетъ быть, или совсѣмъ не наступилъ, или выразился бы далеко менѣе широко. Мы должны здѣсь признать извѣстную степень произвольности, которую психоанализомъ нельзя раскрыть. Также мало слѣдуетъ считать этотъ исходъ—актъ вытѣсненія—единственно возможнымъ исходомъ. Другому человѣку не удалось бы, вѣроятно, спасти отъ вытѣсненія большую долю libido путемъ сублимированія его въ научную любознательность; получилось бы или длительное нарушеніе въ умственной работоспособности, или не поддающееся устраненію предрасположеніе къ неврозу навязчивыхъ состояній. Эти двѣ особенности Леонардо остаются такимъ образомъ, неразрѣшенными для психоанализа: его изъ ряду вонъ выходящая наклонность къ вытѣсненію влеченій,

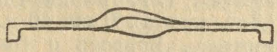
и необычайная способность къ сублимированію примитивныхъ влеченій.

Влеченія и ихъ превращенія суть конечный пунктъ, доступный психоаналитическому познанію. Съ этого момента оно уступаетъ мѣсто біологіи. Какъ наклонность къ вытѣсненію, такъ и способность сублимированія мы должны отнести насчетъ органическихъ основъ характера, надъ которыми уже возводится психическая надстройка. Такъ какъ художественный геній и работоспособность тѣсно связаны съ сублимированіемъ, то мы должны также признать, что психоанализу недоступна и сущность художественнаго творчества. Наша современная біологія склонна объяснить органическую конституцію человѣка соединеніемъ въ ихъ матеріальной формѣ мужскихъ и женскихъ предрасположеній. Физическая красота Леонардо и пользованіе лѣвой рукой вмѣсто правой могутъ найти здѣсь нѣкоторую опору. Мы, однако, не хотимъ оставить почву чисто психологическаго изслѣдованія. Нашей цѣлью попрежнему остается указаніе на связь между внѣшними явленіями и реакціей личности въ области дѣятельности влеченій. Если психоанализъ и не объясняетъ намъ факта художественнаго генія Леонардо, то онъ все-таки дѣлаетъ намъ понятнымъ его проявленія и предѣлы. Все-таки кажется, что только человѣкъ, пе-

режившій такое дѣтство, какъ Леонардо, могъ написать Монну Лизу и св. Анну, уготовить своимъ произведеніямъ такую печальную судьбу и подняться на такую неслыханную высоту въ качествѣ естествоиспытателя, какъ будто ключъ ко всей разнообразной дѣятельности его духа и неудачливости таился въ дѣтской фантазіи о коршунѣ.

Но не слѣдуетъ ли отвернуться отъ выводовъ такого изслѣдованія, которое приписываетъ столь рѣшительное вліяніе на судьбу человѣка случайностямъ рожденія, ставя, напр., судьбу Леонардо въ зависимость отъ его незаконнаго происхожденія и безплодія его первой мачехи донны Албіери? Я полагаю, что на это не имѣютъ права; если считаютъ, что случай не въ состояніи оказать вліянія на нашу судьбу, то это только возвратъ къ религіозному міровоззрѣнію, побѣда надъ которымъ была подготовлена самимъ Леонардо, когда онъ написалъ, что солнце неподвижно. Намъ, конечно, очень больно, что справедливый Богъ и благое Провидѣніе не охраняютъ насъ лучше отъ подобныхъ вліяній въ самую беззащитную пору нашей жизни. Мы при этомъ охотно забываемъ, что въ сущности все въ нашей жизни случайность, начиная отъ нашего происхожденія вслѣдствіе встрѣчи сперматозоида съ яйцомъ, случайность, которая потому только и имѣ-

етъ свою долю въ закономѣрности и необходимости природы, что она не нуждается въ совпаденіи съ нашими желаніями и иллюзіями. Распредѣленіе факторовъ, опредѣляющихъ жизнь отдѣльнаго человѣка, между категоріей „необходимости“ нашей конституціи и „случайностями“ нашего дѣтства, въ частности еще недостаточно установлено; но въ общемъ нельзя больше сомнѣваться въ значеніи именно первыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Мы всѣ еще проявляемъ слишкомъ мало піэтета передъ природой, которая по неясному выраженію Леонардо, напоминающему слова Гамлета, „полна безчисленныхъ причинъ, которыхъ никогда нельзя будетъ провѣрить на опытѣ“ (La natura è piena d'infinite ragioni che non furono mai in isperienza“).[1]) Каждый изъ насъ человѣческихъ существъ соотвѣтствуетъ одному изъ безчисленнаго множества экспериментовъ, въ которыхъ проявляется это „ragioni“ природы.



[1]) M. Herzfeld т же стр. 11.

К-во „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

Москва, Садовники, домъ № 9. Телефонъ 177-14.

I. Отдѣлъ научный и научно-общественный.

М. Вилье. Женскіе клубы и легіоны амазонокъ. Ц. 3 руб.

Фредерикъ Массонъ. Томъ I. Наполеонъ и женщины. Ц. 2 руб. Т. II. Наполеонъ въ интимной жизни

Артуръ Леви. Наполеонъ Банапартъ. Душевныя качества Наполеона, Ц. 2 р. 50 к. въ пер. 3 р. 50 к.

Прив.-доц. В. М. Фриче. Западно-европейская литература XIX вѣка.

Т. I. Краткое содержаніе: Романтизмъ и его разложеніе. Англія, Франція, Германія, Испанія и Скандинавія. Цѣна 2 р. (печ.).

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментальное изслѣдованіе. 2-ое дополненное изд. Ц. 1 р.

„Поразительные выводы автора открываютъ новые, въ настоящее время почти необозримые горизонты“.

„Marz“ № 14, 1909 (Dr. Bergmahnr).

Д-ръ Абрагамъ. Сонъ и миѳъ. Ц. 50 коп.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Леонардо да-Винчи. Ц. 50 коп.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни. Цѣна. 1 р.

„Содержаніе: Забываніе собственныхъ именъ. Забываніе иностранныхъ словъ. Забываніе именъ и словосочетаній. О воспоминаніяхъ дѣтства и о воспоминаніяхъ, служащихъ прикрытіемъ. Обмолвки. Очистки и описки. Забываніе впечатлѣній и намѣреній. Дѣйствія, совершаемыя по ошибкѣ. Симптоматическія и случайныя дѣйствія. Ошибки. Комбинированныя дефектныя дѣйствія. Детерминизъ. Вѣра въ случайности и суевѣрія. Общее замѣчаніе“. Цѣна 1 руб.

Д-ръ А. Вигуру. Психическая зараза. Съ предисловіемъ проф. Ф. Рыбакова. Цѣна 1 руб.

Проф. Эрнстъ Махъ. Принципъ сохраненія энергіи. Ц. 30 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Естествознаніе и міросозерцаніе.— Проблема жизни. (Двѣ лекціи). Цѣна 50 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Вопросъ о границахъ познанія. Цѣна 30 к.

„Достоинство брошюры—въ большомъ мастерствѣ популярнаго изложенія“. („Р. Вѣд.“ 1909 г.).

Проф. Паоло Мантегацца. Современныя женщины. 2-е изд. Цѣна 1 р.

Проф. В. Оствальдъ. Насущная потребность. Переводъ подъ редакціей и съ предисл. проф. А. Сапожникова. В. I.

Проф. Максъ Ферворнъ. Общая физіологія. 3 тома Ц. 7 р. 25 к

Проф. Максъ Ферворнъ, Рѣчи и статьи. Съ предислов. проф Моск. Ун. Г. А. Кожевникова. Ц. 2 р.

„Статьи Ферфорна всѣми прочтутся съ большимъ интересомъ и пользою. Переведена и издана книга хорошо". (П. С—овъ „Рус. Вѣдомости").

Проф. І. Боасъ. Діагностика и терапія желудочныхъ болѣзней. Т. I Ц. 2 р. 50 к. Т. II. (Печ.).

Проф. Гертвигъ. Учебникъ зоологіи, т. I. Переводъ подъ редакціей съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Моск. Ун. Г. А. Кожевникова. Ц. 1 р. 50 к. (т. II печ.).

Д-ръ І. Ф. Гейтлеръ. Электромагнитныя колебанія и волны. Перев.,разрѣшен. авторомъ. Подъ редакц. и съ предисл. лаборанта Имп. Техн. учил. Б. С. Швецова. Ц. 1 р. 25 к. (въ переплетѣ). Учен. Комит. М. Н. П. допущено въ библіот. низш. учебн. завед.

П. Эрлихъ и С. Хата. Экспериментальная химіотерапія спириллезныхъ заболѣваній. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ Симонъ. Гигіена женщины. Перев., разрѣш. авторомъ. Съ предисловіемъ проф. Моск. Ун. Н. И. Побѣдинскаго. Ц. 2 р.

Для родителей и педагоговъ.

Проф. Оппенгеймъ. Воспитаніе и нервное страданіе дѣтей. Цѣна 30 к.

„Докладъ заслуживаетъ широкаго вниманія интеллигентныхъ родителей". (Д-ръ Капланъ).

Марія Лишневская. Половое воспитаніе дѣтей. 2-е изданіе. Цѣна 30 к.

„Брошюра Марія Лишневской можетъ сослужить всему человѣчеству громадную пользу".(„Утро Россіи").

Эллень Кей. Мать и дитя. Цѣна 30 к.

„Небольшую работу Эллень Кей мы горячо рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей. Брошюра написана сжато, конспективно, но очень живо и ярко. Перев. сдѣланъ хорошимъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ".

(Рѣчь, 13 окт. 1908 г.)

Проф. А. фонъ-Штрюмпель. Нервность и воспитаніе. Переводъ, разрѣшенный авторомъ. Цѣна 30 к.

И. Ремсенъ. Неорганическая химія. Самостоят. обработка проф. К. Зейберта. Подъ ред. проф. Имп. Техн. Уч. Н. А. Шилова. (печ.).

Д-ръ Л. Левенфельдъ. Сексуальныя проблемы. Переводъ под. редакц. и съ предисл. д-ра Вырубова.

Проф. Францъ фонъ-Винкель. Общая гинекологія. Переводъ, разрѣшенный авторомъ. Съ предисловіемъ проф. Моск. Ун. Н. И. Побѣдинскаго. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

„Затронутые опытомъ и авторитетнымъ профессоромъ вопросы въ изложеніи, вполнѣ доступномъ и не спеціалисту, дѣлаютъ „Общую гинекологію“, въ большей ея части интересной и поучительной не только для врача, но и для всякаго образованнаго человѣка“. (Изъ предисл. проф. Н. Побѣдинскаго).

Д-ръ С. Рабовъ. Проф. Лозаннскаго Ун. Карманная рецептура и фармакопея. Пособіе при прописываніи лѣкарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Переводъ съ 41 дополненнаго и исправленнаго нѣмецкаго изд. Подъ редакціей магистра фармаціи И. И. Кальнинга, съ предисловіемъ проф. Имп. Моск. Ун. Н. Ф. Голубева. 2-е изд. Цѣна 1 р. (въ переплетѣ).

II. ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ.

В. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Съ предисловіемъ. П. Н. Сакулина. Цѣна 1 р. 25 к.

Фридрихъ Куммеръ. О смѣнѣ литературныхъ поколѣній и литературн. кумировъ. Перев. подъ ред. и съ предисл. П. С. Когана. Ц. 25 коп.

В. М. Фриче. Отъ Чернышескаго къ „Вѣхамъ“. Ц. 40 к.

В. М. Фриче. Торжество пола и гибель цивилизаціи. (По поводу книги Вейнингера „Полъ и характеръ“). Цѣна 55 к.

Людвигъ Зерингъ. Метерлинкъ, какъ философъ и поэтъ. Цѣна 60 коп.

Метерлинкъ, какъ философъ внутренней жизни.—Міросозерцаніе Метерлинка.—Стихотворенія и первыя драмы.—Драмы философа жизни.—Метерлинкъ, какъ теоретикъ искусства.

„Книга Зеринга прочтется съ большимъ интересомъ русскими поклонниками Метерлинка, тѣмъ болѣе, что наша критическая литература о немъ совсѣмъ не велика“.

(„Одесское Обозрѣніе“).

Гальфданъ Лангаардъ. Оскаръ Уайльдъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. 2-ое изданіе. Цѣна 40 коп.

„Предлагаемая книга стремится дать возможно болѣе полное изображеніе захватывающей по своей трагичности жизненной судьбы Оскара Уайльда„.

Германъ Эссвейнъ. Августъ Стриндбергъ. Опытъ психологической характеристики. Цѣна 40 коп.

„Критическій очеркъ Эссвейна можетъ быть прочитанъ съ пользою всѣми, кто интересуется эволюціей творчества Стриндберга". („Русскія Вѣдомости").

Андрей Левенсонъ. Германъ Бангъ, Критическій очеркъ. Цѣна 30 к.

Ю. Бабъ. Бернаръ Шоу, какъ писатель и художникъ. Цѣна 50 коп.

Эдуардъ Замакоисъ. Бласно Ибаньесъ. Критическій очеркъ. Цѣна 50 коп.

„Эта небольшая книжка является необходимымъ дополненіемъ къ тринадцати томамъ сочиненій испанскаго Золя, вышедшимъ въ русскомъ переводѣ. Знаменитый испанскій писатель, которому теперь 43 года, вышелъ изъ купеческой семьи, а его жизнь замѣчательно богата событіями. Изъ бѣдности, благодаря успѣху его романовъ, онъ достигъ богатства, а масса непріятностей (онъ сидѣлъ до 30 разъ въ тюрьмѣ за газетныя статьи) не ослабила его кипучей энергіи и любви къ жизни. Къ тому же онъ совершилъ цѣлый рядъ путешествій по Европѣ и Южной Америкѣ, что дало ему массу впечатлѣній. Плодовитый авторъ въ настоящее время работаетъ надъ исторіей Аргентины, гдѣ думаетъ основать испанскую колонію подъ названіемъ „Сервантесъ", для чего изучаетъ также вопросы электричества и агрикультуры, насосы, водопады и новые способы орошенія. Вообще, жизнь Ибаньеса не менѣе интересна, чѣмъ его романы, заканчивающіеся всегда трагически, несмотря на его любовь къ жизни". („Россія", 4 окт. 1911).

Михаилъ Тригоринъ. Проблема пола и „Саннѣ" Арцыбашева. 2-ое изданіе. Цѣна 35 коп.

„Нашумѣвшій романъ Арцыбашева возбудилъ всеобщее вниманіе русскаго общества. Въ предлагаемой книжкѣ авторъ разсматриваетъ его, какъ одну изъ попытокъ разрѣшенія полового вопроса, и наглядно доказываетъ полнѣйшую ея неудачу.

ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Артуръ Шницлеръ. Юный Медардъ. Цѣна 1 руб.

Анри Бернштейнъ. Когда меня не станетъ. Цѣна 50 коп.

М. Ленгіель. Тайфунъ. Цѣна 50 коп.

Я. Гординъ. Убой. Цѣна 50 коп.

М. Бродскій. Жить надо (разсказы). Ц. 1 руб.

Западные Сборники. Книга первая.

Содержаніе: Томасъ Маннъ, Gladius Dei. Гансъ фонъ Калинбергъ, Горбунъ. Гуго фонъ-Гофмансталь Сказка. Яковъ Вас-

серманъ, Старикъ. Петеръ Альтенбергъ, Революціонеръ. Феликсъ Голлендеръ, Пріемышъ. Іоганнъ Шлафъ, Другая. Цѣна 1 руб.

Западные Сборники. Книга вторая.

Содержаніе: Клара Фибихъ, Святой. Яковъ Вассерманъ, Королева Іоанна Кастильская. Георгъ Гиршфельдъ, Въ чужихъ рукахъ. Гергартъ Гауптманъ, Изъ путешествія въ Грецію. Іоганнесъ Іензенъ, Луизонъ. Томасъ Маннъ, Женщина. Э. фонъ-Кейзерлингъ, Деревня. Зигфридъ Требичъ, Конецъ свѣта. Цѣна 1 руб.

Германъ Зудерманъ. Розы. Тетралогія.

Содержаніе: Лучи солнца. Марго. Прощальный визитъ. Принцесса Цѣна 1 руб.

„БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ“.

При ближайшемъ участіи **Ю. И. Айхенвальда, Ю. А. Веселовскаго П. С. Когана, Л. Козловскаго и В. М. Фриче.**

Приступая къ изданію настоящей библіотеки, к-ство „**Современныя Іпроблемы**“ задается цѣлью ознакомить русскую читающую публику съ лучшими образцами творчества западно-европейскихъ писателей, при чемъ главное вниманіе будетъ удѣлено одной изъ высшихъ формъ литературнаго творчества: **роману.** Каждый томъ будетъ снабженъ критическимъ очеркомъ, посвященнымъ данному писателю.

Книга I. **Германъ Гессе.** Петеръ Каменциндъ. Романъ. Переводъ съ 50-го нѣм. изд. съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 1 руб.

„Все это разсказано у Гессе красиво, поэтично, съ любовью и лаской и во всемъ этомъ такъ много человѣческаго содержанія и той внутренней жизни, которая гораздо реальнѣе жизни внѣшней“. Изъ предисловія Айхенвальда.

„Романъ этотъ овѣянъ чарами своеобразнаго и властнаго лиризма... Онъ нерѣдко заставляетъ думать о Гамсунѣ. Тотъ же лиризмъ и чисто субъективное настроеніе, тотъ же пафосъ и свободная непринужденность манеры, допускающая смѣлыя обращенія и неожиданныя отступленія. Погамсуновски вдохновенны нѣкоторыя картины природы. Много тонкаго и поэтичнаго“.

(Викторъ Гофманъ. „Рѣчь“ 1910, № 45).

Книга II. **Колетта Иверъ.** Королевы науки. Романъ. Съ критическимъ очеркомъ П. С. Когана. Перев. съ 34-го франц. изд. Цѣна 1 р. 50 к.

„Прекрасный романъ Колетты Иверъ о страданіяхъ боровшейся и побѣжденной женщины-личности—новый документъ.

свидѣтельствующій о безсиліи современнаго общества разрѣшить стоящія передъ нимъ проблемы".

Изъ предисловія Когана.

„Романъ читается съ интересомъ и отвѣчаетъ на нѣкоторые вопросы современности".

(„Утро Россіи", 1910, № 108).

Книга III. **Ж. Рони.** Въ сѣтяхъ жизни. Романъ. Съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга IV. **Пьеръ Миль.** Пробужденіе души. Съ крит. очеркомъ. Л. Козловскаго. Цѣна 1 р

Книга V. **Анри де-Ренье.** Полуночная свадьба. Романъ. Съ крит. очеркомъ. Ю. А. Веселовскаго.

К. ВАЛИШЕВСКІЙ.

Происхожденіе современной Россіи.

Т. I. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.

Краткое содержаніе: Страна и населеніе. Политическая и соціальная жизнь. Умственная жизнь. Нравы. Первый русскій царь. Первыя преобразованія. Движеніе на Востокъ. Взятіе Казани. Завоеваніе Ливоніи. Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ. Идейная и политическая эволюція. Опричнина. Англоманія Грознаго. Иванъ и Елизавета. Польское нашествіе. Баторій. Потеря Ливоніи. Римъ и Москва. Покореніе Сибири. Ермакъ. Дворъ и интимная жизнь Ивана. Домашняя жизнь Ивана. Семья царя. Личность Грознаго и его дѣло. Смерть Ивана. Характеръ и темпераментъ Грознаго. Познанія и умъ Грознаго. Идеи и чувствованія Ивана. Итоги царствованія.

Цѣна 3 руб., въ полукож. переплетѣ 4 руб.

Т. II. ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ.

Краткое содержаніе: Основаніе династіи. Михаилъ Ѳеодоровичъ. Отецъ Петра Великаго. Царь и патріархъ Никонъ. Разрывъ. Борьба. Процессъ патріарха. Ссылка. Возмущеніе Стеньки Разина. Внутренняя политика Алексѣя. Внѣшняя политика. Польско-русская Украйна. Конфликтъ. Вмѣшательство Москвы. Раздѣлъ. Интеллектуальная эволюція. Расколъ. Моральный кризисъ. Второй Романовъ и его наслѣдіе. Темпераментъ и характеръ Алексѣя. Его умъ. Его сердце. Его окружающіе. Его наслѣдіе. Восшествіе Ѳедора. Конецъ Никона. Правленіе фаворитовъ. Первый ударъ заступомъ. Общій взглядъ.

Цѣна 3 руб., въ полукожан. переплетѣ 4 руб.

Т. Ш. **ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.**

Краткое содержаніе: Кремль и нѣмецкая слобода. Царевна Софія. Внѣшняя жизнь. Сотрудники, друзья и фавориты. Женщины. Екатерина. Новый строй. Уничтоженіе стрѣлецкаго войска. Нравственное преобразованіе. Интеллектуальная жизнь. Церковная реформа. Уничтоженіе патріаршества. Соціальная реформа. Экономическая дѣятельность. Политическая дѣятельность. Оппозиція. Царевичъ Алексѣй.

Цѣна 3 р. 50 к., въ переплетѣ—4 р. 50 к.

Т. IV. **ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.** Ц. 3 р., въ пер. 4 р.

Т. V. **ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА.** Ц. 3 р., въ пер. 4 р.

Т. VI. **ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.** (Печ.).

Т. VII. **РОМАНЪ ИМПЕРАТРИЦЫ.** (Печ.).

Т. VIII. (Печ.).

ЭДУАРДЪ ФУКСЪ.

ИСТОРІЯ НРАВОВЪ. Томъ I. (Эпоха Возрожденія). Цѣна 3 руб.

ЕГО ЖЕ. Роскошно иллюстрированное изд. Около 400 иллюстрацій на отдѣльныхъ таблицахъ, состоящихъ изъ рѣдкихъ документовъ по исторіи нравовъ и искусства. Ц. 6 руб. Въ кожанномъ переплетѣ 7 р. 50 к.

Содержаніе перваго тома:

Предисловіе автора къ русскому изданію.

I. **Происхожденіе и сущность нравственности.** Происхожденіе и основа единобрачія.—Измѣнчивость половой морали.—Законы этихъ измѣненій.—Выводъ относительно будущаго.—Планъ изслѣдованія.

II. **Идеалъ физической красоты Ренессанса.** Сущность Ренессанса.—Происхожденіе идеала красоты.—Культъ физической красоты.—Отношеніе къ наготѣ.—Сущность модъ эпохи Ренессанса.

III. **Любовь и бракъ.** Основной характеръ любви.—Развитіе индивидуальной половой любви.—Чувственное представленіе о любви.—Добрачное половое общеніе.—Обычай пробныхъ ночей.—Формы взаимнаго ухаживанія.—Бракъ и вѣрность.—Супружеская невѣрность.—Свободное половое общеніе и нравственная испорченность.—Употребленіе пояса цѣломудрія.

IV. **Нравственность церкви.** Церковь въ эпоху Ренессанса.—Экономическая основа могущества церкви.—Безбрачіе.—Пороки монашества.—Злоупотребленіе исповѣдью.

V. **Проституція.** Проституція, какъ оффиціальное средство обороны.—Размѣры проституціи.—Солдатская дѣвка.—Суте-

неры и сводни.—Отношеніе къ проституціи отдѣльныхъ классовъ общества.—La grande Cogotte Ренессанса.—Способы привлеченія вниманія, практиковавшіеся проститутками.—Проститутка въ искусствѣ.—Регламентація проституціи.—Борьба противъ проституціи.—Сифилисъ.

VI. **Общественныя развлеченія.** Прядильня.—Жизнь въ баняхъ.—Курорты. — Игры и танцы. — Праздники и празднества.—Масляничныя игры.—Мистеріи и театръ.—Свадебное торжество и свадебные обряды.—Частныя развлеченія.

VII. **Сексуальная патологія.** Историческія причины вѣры въ вѣдьмъ.—Эротическая подкладка преслѣдованія вѣдьмъ.—Оргія одержимыхъ.

Т. II. ВѢКЪ ГАЛАНТНОСТИ.

Содержаніе второго тома.

I. **Эпоха абсолютизма.** Психика подданнаго.—Общественная ложь.—Галантность.

II. **Новый Адамъ и новая Ева.** Идеалъ красоты эпохи абсолютизма.—Культъ интимной женской красоты.—Физическій портретъ мужчины и женщины.

III. **Ливрея распутства.** Величіе: шлейфъ, фонтанжъ, парикъ.—Роль каблука.—Декольтэ.—Кренолинъ.—Красочная скала стараго режима.—Роскошь костюма.

IV. **Любовь.** Культъ техники.—Раффинированность и сантиментализмъ.—Сексуальное воспитаніе.—Любовь, какъ произведеніе искусства.—Авансы въ счетъ брака.—Женская потребность въ любви.—Юридическая формула.—Герой стараго режима.—Оргія.—Венера и Пріамъ въ монашескомъ облаченіи.—Кнутъ.

V. **Проституція.** Уличная торговля любовью.—Притоны любви.—Адепты и маклера проституціи.—Полиція и проститутка.—Шипы и розы.

VI. **Въ трактирѣ и въ салонѣ.** Развитіе трактирной жизни.—Семейные праздники.—Народные обычаи.—Народные праздники и развлеченія.—Танцы и игры.—Театръ.—Опера и балетъ.—Салонъ.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

Германа Банга.
Піо Бароха.
Бьернстьерне-Бьернсона.
К. Валишевскаго.
Якова Вассермана.
Томаса Гарди.
Карла Гауптмана.
Густава афъ-Гейерстама.
Жориса-Карла Гюисманса.
Бласко Ибаньеса.
Маріи Конопницкой.
Генриха Манна.
Томаса Манна.
Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ.
Джоржа Мередита.
Леона Переца.
Владислава Реймонта.
Отто Рунга.
Михаила Сивачева.
Августа Стриндберга.
Проф. Макса Ферворна.
Антоніо Фогаццаро.
Шоломъ Алейхема.
Александръ Ширванзадэ.
Бернара Шоу.
Жоржа Экоута.

ГЕНРИХЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій 10 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	**Діана.** Ром. Пер водъ и предисловіе прив. доц. В. М. Фриче. 3-е изд.	1.—
2	**Минерва.** Ром. 2 изд.	1.—
3	**Венера.** Ром. 2 изд.	1.—
4	1) **Мелкій бѣсъ.** Романъ. 2) **Мнаисъ и Джиневра.** Новеллы.	1.—
5	**Въ погонѣ за любовью.** Романъ.	1.50
6	1) **Чудесные.** 2) **Актриса.** . .	1.—
7	**Романъ изъ жизни свѣтск. людей.**	1.50
8	**Мечты и жизнь.** Ром. ч. I-я .	1.25
9	**Мечты и жизнь.** Ром. ч. II-я.	1.25
10	(печат.)	—

Изъ отзывовъ печати.

„Когда съ чувствомъ стыда мы отрываемся отъ восхищенія старыми образцами искусства и посмотримъ на его (Манна) книги, въ насъ рождается надежда, что и мы будемъ вѣчно жить въ гордыхъ созданіяхъ искусства“.

Гансъ Бранденбургъ.

МИХАИЛЪ СИВАЧЕВЪ.

Собраніе сочиненій.

Тома		Цѣн.
1	**Прокрустово ложе.** (Записки литературн. Макара). Кн. I-я.	1.—
2	**Прокруст. ложе.** Кн. 2-я . . .	1.—
3	**Цвѣты земли и неба** (печ.) .	1.—

Изъ отзывовъ печати:

„Въ этой книгѣ разсказана исторія жизни и мысли,—исторія исканій, житейскихъ и литературныхъ, большого литератора изъ рабочихъ, представляющая громадный общественный интересъ“.

„Рус. Вѣд“. Нояб. 90 г. № 263.

ШОЛОМЪ-АЛЕЙХЕМЪ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Переводъ съ еврейскаго, разрѣшен. авторомъ.

Тома		Цѣна.
1	**Дѣти „черты“.** Кн. пер. 2-е изд.	1.—
2	**Дѣти „черты“.** Кн. втор. 2-е изд.	1.—
3	**Маленькіе люди.** 2-е изд. . .	1.—
4	**Записки коммивояжера**	1.—
5	**Неунывающіе.**	1.—
6	**Похожденіе неудачника.** . . .	1.—

Изъ отзывовъ печати.

„Въ книгѣ Шоломъ-Алейхема найдется много весьма поучительнаго, краснорѣчиваго во многихъ отношеніяхъ,—новаго для нашей публики“. *Юрій Веселовскій.*

БЕРНАРЪ ШОУ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	1) **Справочникъ Разрушителя** . 2) **Цезарь и Клеопатра.** . . .	1.—
2	**Человѣкъ и Сверхчеловѣкъ** . .	1.25
3	1) **Врачъ на распутьѣ.** 2) **Сила женщины.**	1.—
4	**Неразумный бракъ.** Романъ. .	1.50
5	**Очерки**	1.50
6	**Солдатъ изъ арміи спасенія** .	1.—
7	**Карьера одного борца.** Ром. .	1.50
8	**У жертвенника искуства.** Романъ. ч. I-я.	1.—
9	**У жертвенника искуства.** Романъ. ч. II-я.	1.—

Отзывъ Л. Н. Толстого.

„Весьма талантливый, интересный, бойкій писатель, быть можетъ, слишкомъ выставляющій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свой атеизмъ, но очень хорошо вскрывающій лицемѣріе современнаго общества“.

МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ.

Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ.

Тома		Цѣна.
1	**На Нормандскомъ берегу.** . .	1.—
2	**Мендель Гданскій**	1.—
3	**Милосердіе общины** и др.	1.—

„Это былъ великій талантъ, многіе называютъ его геніальнымъ, и онъ безъ сомнѣнія достигалъ геніальн. и больше чѣмъ у кого либо Она была могучей и въ настоящемъ смыслѣ этого слова“.

Казиміръ Тетмайеръ.

ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

Полное Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	**Михаэль.** Романъ	1.—
2	**Его превосходительство.** Ром .	1.—
3	**Тинэ.** Романъ.	1.—
4	**Графиня Уранэ.** Романъ, . . .	1.—
5	**Погибшія мечты.** Романъ . .	1.25
6	**Сестра.** Романъ.	1.25
7	**„О любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть**	1.—
8	**Четыре дьявола и др.**	1.—

...„Если идти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогій, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, который съ тѣмъ же интимнымъ очарованіемъ, съ тою же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ и Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великія легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣніи, „о любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть“.

Современный міръ, № 11, 1907 г.

Психологическая библіотека.

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментальное изслѣдованіе. 2-е дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 25 к.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни. Цѣна 1 р.

А. Вигуру и Жукелье. Психическая зараза, съ предисловіемъ проф. Ф. Рыбакова. Цѣна 1 р.

Д-ръ Карлъ Абрагамъ. Сонъ и миѳъ. Цѣна 60 к.

Готовятся къ печати:

Д-ръ Карлъ Абрагамъ. Сексуальныя сновидѣнія.
Риклинъ. Психологія и сексуальная символика сказокъ.
Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Толкованія сновидѣнія.

Типографія „МЫСЛЬ“. Москва, Петровка, 17.